

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

84(2Рос. 69МА)

0-57

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

**АРКТИЧЕСКАЯ
РАЗВЕДКА**

·СОВЕТСКАЯ РОССИЯ·

84/1000-631
0.57

ПИСАТЕЛЬ И ВРЕМЯ

Анатолий ОМЕЛЬЧУК

АРКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

ОКр - 10959 -

Государственное учреждение
**“Национальная
библиотека ЯНАО”**

Читальный зал

МОСКВА
«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»
1983

33С5

●-57

Книга молодого литератора из Салехарда включает три очерка, посвященных проблемам поиска и разработки тюменской нефти и газа.

Действие происходит на буровых, расположенных далеко за Полярным кругом. Герои книги — рядовые геологи, геофизики, нефтяники и ученые, причастные к трудному делу промышленного освоения Крайнего Севера.

ОБЩЕСТВЕННАЯ РЕДКОЛЛЕГИЯ:

БОНДАРЕВ Ю. В., БЕНЕНСОН А. Н., БЛИНОВ А. Д.,
ВИКУЛОВ С. В., ИВАНОВ А. С., КРАМИНОВ Д. Ф.,
ЛОПАТИНА Е. К., МЕДНИКОВ А. М., ПОВОЛЯЕВ В. Д.,
РОСЛЯКОВ В. П., СЕРГОВАНЦЕВ Н. М.,
ЧИВИЛИХИН В. А., ШАПОШНИКОВА В. Д.,
ШУРТАКОВ С. И.

Библиотека
"ОАИИ" Якутск

4702010200—097
М-105(03)83 77—83

© Издательство «Советская Россия», 1983 г.

ОТДАЧА ПЛАСТА

Игарский мерзлотовед Паша, будущее светило геокриологической науки, занесенный в Газ-Сале изыскательскими ветрами, подарил мне чистый «Полевой дневник» с толстыми синими корками — удобнейшую и престижного вида записную книжку. Лет с той поры прошло полтора десятка, фасонистый свой вид книжка в многочисленных командировках поутратила, но зато на повседневном когда-то, сиюминутном содержании страниц появился, можно сказать, исторический налет.

На первой странице большое коричневое пятно и засохший комар — случайно застрявший между листками представитель многочисленной братии, усердно попившей нашей кровушки. На обороте торопливая, неровная запись — писал в вертолете МИ-4, который от старости трясся и гремел, как порожний бидон: «Газовская нефте-разведочная экспедиция. Русская площадь. Разведочная скважина № 12, буровой мастер Полупанов. Тот это Полупанов, который бурил первую скважину на Уренгое. Почему — Русская?»

Дальнейшие записи поровнее, но не особенно: писал на подоконнике, потому что в той половине гостевого балка, который отводился обычно для приезжавших на буровую, почему-то обязательный стол отсутствовал.

Я не зря помянул здесь ответственный эпитет «исторический». Записи эти не только для меня биография и история, но и для тех, кто сегодня выходит на Русское; создадут музей, еще и Пашины «Полевой дневник» попросят вот с этими строчками:

«Не повезло. Владимира Полупанова, того самого, знаменитого, первую уренгойскую скважину забурившего, на

Р-12 не оказалось. Взял отпуск за какие-то годы, сразу скопом, жарится теперь, наверное, где-то под южным солнышком, крымско-кавказским. Погодаев, который его замещает,— поближе, но на буровой его тоже нет, он на базе. Невезуха. Буровое хозяйство здесь ведет грузноватый не по годам тридцатилетний бурильщик Воробьев, которого все зовут Женя.

— База, база, я — двенадцатая, — хриплым голосом выпевает Женя.— Как слышите, двенадцатая? Прием.

Пока в рации что-то хрипит и трещит, я успеваю спросить шепотом, как будто боюсь, что меня услышат на базе, которая отсюда за сто двадцать верст:

— А что такое двенадцатая — жена в гареме?

Воробьев на неуместные шутки не реагирует, привычно вслушивается в эфир, потом бросает:

— Номер буровой.

Не нашлось еще поэта, который бы воспел старенькие рации на буровых. С утра до вечера, через каждые три часа, на базе — начальство, на буровых — мастера или замещающие их бурильщики надрываются в эбонитовые трубки:

— База, база, я — двенадцатая. Сломался первичный валик УПБК. У! Пэ! Бэ! Ка! Разобрали? Нельзя ли там у вас найти по-быстрому? По-быстрому, вертолетом? Прием.

Могу для будущего певца набросать контуры его буровой лирики: старенький ПАРКС — связь с базой, а если глобальнее — с миром: мигает светлячок индикатора — это подмигивает пространство; благодаря ей вовремя устраняются осложнения, летят на буровую вертолеты, везут запчасти, хлеб и халву, изрядно всем надоевшую, и в светлый родительский день только благодаря рации можно отстучать приветственную радиограмму маме куда-нибудь в Калугу или Грозный.

— Давай, давай,— тем временем соглашается усталый Воробьев. Зачем ему ссориться с начальством? — Мы здесь

людей возьмем и слетаем на двадцать восьмую. Заберем ключ там. Да, заберем, заберем. Иначе тут труба дело. Труба, говорю,дохлое дело!

— «Добро», даем «добро»,— пробивается через сто двадцать километров эфира.

— Давно пора ему здесь бы быть,— Женя щелкает тумблером выключателя. Это он про Погодаева. И тусклым голосом добавляет бурильщикам:— Давайте, ребята, к соседям лететь надо.

По выражению на лице хозяина буровой нетрудно понять, что он всей этой катавасией с валиком УПБК недоволен. Они вот-вот должны были нефть получить, а здесь загвоздка, и база не чешется.

— А как же не хотели,— с достоинством рассуждает Воробьев, провожая в рот добротный кусок хлеба (разговор происходит теперь в бригадном котлопункте).— Ты заметил, что наша экспедиция «нефтераз» называется? — Полкружки компота в рот.— Нефтеразведочная, значит. А кто ее здесь, нефть-то, видел? — С компотом покончено.— И по всему округу так: экспедиции нефтеразведочные, а открываем газ. Маша, лини-ка еще кружечку. Вот мы и вернем истинный смысл. Ма-а-а-ша! Где ты там застряла?

Молодость буровиков бросается в глаза, прежде всего, по бородам. Конечно, в бригаду статистик не приходил, средний возраст не вычислял, но здесь даже вахты возглавляют бурильщики четвертого десятка не разменявшие,— Витя Кузякин, Слава Рытов. Из пожилых — один Чеканов. Вахта Рытова — комсомольско-молодежная. В чем ее отличие от других, я еще не разобрался, но именно она выпускает стенную газету «Керн» (это не из пушкинской поэзии, а из геологии. Керн — образцы породы с разных глубин, почти аккуратные цилиндрики возрастом этак плюс-минус в миллион лет).

Август здесь грязный, дожди нудные, затяжные, осен-

ние. Мостки от балков до буровой уже давно утонули в грязи. Воробьев скептически оглядел мои ботинки, невежливо кинул:

— Форсист. Одень бахилы-то.

Петровского размера бахилы стараются остаться в грязи. Буровая площадка — как надежный берег среди разверстых этих хлябей. То, что делали буровики, вахта Рытова, называется спуск-подъем. Сам Слава, грязный и мокрый, шевелил рычагами. Его помощники — Толик Таштакинов и Вася Жвавый — грязные не менее, управлялись с ключом и какой-то громоздкой штукой, по-хлеборобски называемой «элеватор». Вверх взмывала очередная стройная труба, кратко именуемая «свечой». На верхней площадке ее ловил ловкий парень, по штатному расписанию — верховой, по древне-флотски — марсовый — Леша Крупин. Как мне показалось, все собранные и уверенные ребята. Вот такая у них будничная работа, можно сказать, вальс при свечах.

Сначала бурение. Потом вот такой, без всякого альпинизма, спуск-подъем. Промоет поршень. Полетит валик. В суতোлке этой не самой чистой работы заметят ли, не пропустят, осознают, что они открыли новое месторождение, что они первооткрыватели и что в какой-то истории открытий должны, хотя бы не особо жирным петитом, вписать и их фамилии?

Утопая по колено в тундровой грязи, к краснополосому вертолету (бывшая полярная авиация) бегут, точнее, стараются бежать четверо — те, выделенные Воробьевым для полета к соседям. Вертолет пошумит, взрябит грязь, нехотя поднимется в воздух, чтобы вернуться часа через два, ближе к сумеркам. Бурильщики вывалят из вертолетного брюха старый УПБК, который им удружили на двадцать восьмой.

— Эх, буратины, буратины, — смачно сплюнул в грязь Слава, — золотой ключик-то.

— Ничего,— добродушно бросает появившийся и заметно повеселевший начальник Женя.— Окупится. Сторицей.

Если осложнение на Р-12 быстро устранено, то в этом и твоя заслуга, старенькая рация отживающей марки «ПАРКС», притулившаяся в углу «офицерского», то бишь командного, балка.

Вроде и безвластие в полупановской бригаде, ни одного мастера, но работа, хотя и осложняемая неизбежными при бурении помехами, шла четко. Видимо, в этом оно, мастерство отсутствующего мастера. Не хитра штука, когда в бригаде при мастере порядок. Заслуга — когда порядок, если «сам» отсутствует.

А Русская площадь — не городская площадь.

— Капризная,— сказал и. о. всех мастеров Женя, и было ясно, что он не любит капризных площадей так же, как и легкомысленных барышень.

Проект им задавали на 2400. А порода дальше 1100 метров не пускает. Они пришли сюда с семнадцатой. Поднимали там нефтеносный керн, в мернике стояла жирная нефтяная пленка. Нефть была тяжелая, ползла неохотно, вяло. Без нефтяного энтузиазма, очевидно, не понимая, как ее ждут. Непромышленный приток — предельно квалифицированно определяют геологи на базе.

Может, здесь, на двенадцатой, энтузиазма у нее будет больше?

— Так ждать? — спросил я на четвертый день бурового сидения у Воробьева.

— Жди,— аморфно ответил он.— Только это песня еще долгая. Наша сказка долго сказывается.

...Поджидая вертолет, который клятвенно обещала база, я заглянул в свой блокнот и увидел: «Почему Русская?»

Воробьев был на буровой, и, не жалея выходных своих башмаков, я побежал к нему:

— Евгений Тимофеевич, почему Русская-то? Воробьев стоял у рычагов, задрал голову к верховому.
— Мы с тобой русские, вот и площадь Русская. Да, в этимологиях он был си-и-лен!

(Это уж позднее я разузнал, что протекает здесь речушка Луце-Яха, что с языка здешних аборигенов — ненцев — переводится «Русская река», и, надо полагать, было ей присвоено это имя в мангазейские времена, когда по этим площадям шли самые первые русские люди, на восток шли, «солнцу встреч».)

Следом в «Полевом дневнике» еще одна, вертолетная, запись: «Не повезло. Не увидел я фонтана на двенадцатой буровой, над тазовской тундрой, грязных этих радостных физиономий, склонившихся над зеркально глянцевым мерником».

Приток нефти на Русском ребята Полупанова получили только через два года, таким же промозгло-беспросветным сентябрьским днем. По заполярным меркам сентябрь — поздняя осень. Два года — срок приличный, ведь именно в те времена месторождения открывали почти походя. Даже не зная всех причин, почему так затянулись дела на Русской площади, могу предположить, что задерживали открытия не только организационные причины (их в северных нефтеразведках хватает), но и какие-то весьма объективные трудности. Не такие уж глубокие недра под речкой Луце-Яха демонстрировали свой трудный норов. Не в первый и, как позднее выяснится, далеко не в последний раз.

Я же «русскую» нефть увидел только в году семьдесят пятом, в апреле, когда и здесь, за северным Полярным кругом, чувствовалось дыхание идущей с юга весны. Взгорки были украшены черными проплешинами, рыхлый снег податливо проваливался, и откуда-то неожиданно налетали туманы. Я сразу побежал к мернику — глубокой, квадратной, огороженной жердями яме. В ней, тускло от-

ливая на весеннем солнце, стыла студенистая масса, коричневатого-золотистого оттенка. Она походила на пористый каучук. Наверное, для таких посетителей, как я, у ерника стояла тонкая жердинка, которой я попробовал помешать густую массу. Жердочка вязла, проворачивалась с трудом, и когда я поднял ее, то еще долго с нее тянулась густая каучуковая не то слеза, не то еще что-то.

— 650 сантипуаз,— подсказал сопровождающий меня Боря Кирдинцев, научный сотрудник Западно-Сибирского нефтяного геологоразведочного института.

Поняв по выражению моего лица, что в сантипуазах я не большой корифей, Борис популярно объяснил:

— Вязкость этого месива в двести раз выше, чем у дистиллированной воды, и почти в сто раз, чем у обычных нефтей. Понятно?

— Резать ножом и брикетами отправлять, так?

— Примерно,— Боря явно обрадовался, что его популяризаторские усилия не пропали даром.

Вообще-то Борис меня удивил. О встрече на месторождении мы с ним договаривались еще в Тюмени, в стенах ЗапСибНИИГНИ, и он показался мне тогда исследователем эдакого кабинетного типа, из тех, что много корпят за столом, колдуют за приборами и остроумно шутят в коридорах на многочисленных перекурах в духе молодежно-ученых кинофильмов. А здесь, на буровой, Борис ничем не отличался от рабочих-испытателей. Не только простецкий, забрызганный буровым раствором и заляпанный жирными пятнами нефти комбинезон «прятал» его ученое нутро, но во всем его виде, в загорелом на северных ветрах лице проступало нечто рабочее, что заставляло вспомнить слова директора ЗапСибНИИГНИ Ивана Ивановича Нестерова:

— Мы не только ученые, мы — производственники.

Да уж действительно, исследователи академического толка на буровой — редкие гости, а ЗапСибНИИГНИ — ин-

ститут при Главтюменьгеологии, и его сотрудники пропадают на буровых месяцами.

Геологам-производственникам, тем самым, что открывают месторождения, необходимо защитить запасы новооткрытой залежи в Государственной комиссии по запасам полезных ископаемых СССР, ГКЗ — арбитр придирчивый и строгий, причем утверждаются только извлекаемые запасы. А на Русском с извлечением-то и начались осложнения.

И хотя Русское к тому времени уже получило почетный титул «заполярного Самотлора», процент извлечения был до обидного неэффективен. У геологов есть свои планы по приросту, и борьба за каждый процент имеет для них существенное значение: такая не приметная цифирка, как 1 процент, для них означала прибавку нефти в тысячи, а то и миллионы тонн. Поэтому-то и появился на Русском в составе оперативной группы «рабочий ученый» Боря Кирдинцев. В задачу исследователей входило сделать тяжелую, вязкую нефть «легкой на подъем». Чтобы повысить столь важный коэффициент, необходимо было воздействовать на нефтеносный пласт. Когда мы с Кирдинцевым ворочались в своих спальниках в жарко натопленном самодельном «козлом» балке, Борис делился своей идеей.

— То, что здесь ты видел сегодня, бригада Володи Гнедого мается — это метод эрлифта. Мощный компрессор закачивает под давлением воздух в пласт. Два режима они отработали благополучно, а вот с третьим не получается.

— А если совсем не получится?

— Мне другой метод кажется перспективнее. Здесь нефть залегает на глубине 950 метров. А чуть выше, на отметке 830, есть сеноманский газ. Так вот воздухом нужно воздействовать не на нефть, а на газ, а тот в свою очередь нажмет на нефтяной пласт. Роль лифта будет выполнять в этом случае именно сеноманский газ.

Кирдинцев вздохнул, понимая, что объясняться надо попроще.

— Представляешь, миллионы газовых пузырьков, словно воздушные шарики, потянут за собой малоподвижную массу. Понятно?

Я представил себе праздничную Москву, миллионы детских воздушных шаров в небе, возникло какое-то ощущение желания подняться вслед за ними в воздух, и убежденно ответил:

— Понятно.

— Но не все так просто,— снова усомнился в моей нефтяной эрудированности Борис.— Дашь чуть больше давление, и нефть моментально перестанет поступать. Ведь она находится в песчаниках, а пески при излишке давления как бы «затопляют» скважину, перекрывают доступ нефти. Режим должен быть редкостно оптимальным, точнейшим.

Я четко понимал только одно: нефть Русского — трудная, запросто ее не взять, не зря говорят, что в мировой практике прецедента не существует. Но радовало оживление в поселке на Русском. Здесь уже были не только нефтеразведчики, буровики и испытатели. Рядом разместили свое походное жилье геodesисты, гидрологи из комплексной изыскательской партии Гипротюменьнефтегаза. Начальник ее Валерий Андреевич Маслов говорил четко:

— У нас очень жесткий срок, наши данные нужны тем, кто будет эксплуатировать месторождение.

На другом пяточке строили небольшие коттеджи плотники из нефтегазодобывающего управления «Мегионнефть». Это НГДУ создало на Русском экспериментальный участок.

— Наша первая задача — смонтировать насос-качалку,— объяснял участковый механик Михаил Грейсер.— Это оружие у нефтяников старое, но по-прежнему надежное.

И все в голос новые обитатели поселка на Луце-Яхе утверждали, что начинается долгая, но планомерная и сконцентрированная работа.

Все это казалось естественным: такое месторождение требовало к себе соответственного внимания.

Да и пример месторождений-«соседей» настраивал на оптимистический лад. Медвежье открыли летом шестидесят седьмого, а уже в апреле семьдесят второго подали его газ на Урал. Начиналось основательное обустройство другого газового уника — Уренгоя. Почему бы и Русскому не попасть в орбиту этого бума?

Появление новых людей на Русском было не так просто и не так естественно, как это казалось непосвященному. Позднее мне пришлось услышать интересную предысторию этого появления от Василия Тихоновича Подшибякина. В свое время он был начальником Тазовской нефтеразведки, во времена открытия Русского руководил трестом «Ямалнефтегазразведка», а сейчас лауреат Ленинской премии Подшибякин возглавляет объединение «Ямалнефтегазгеология».

— Как же без противников и без оппонентов, — говорил он, похохатывая, внимательно вглядываясь в собеседника. — Да где ты такое в геологии встречал? Без оппонентов. Ведь товар, который мы предлагаем, он под землей.

В роли оппонентов по отношению к Русскому выступили нефтяники. Именно они предложили на время законсервировать работы на месторождении. Понять их нетрудно. И в Среднем Приобье у них дел было невпроворот, нужно выходить на новые месторождения, осваивать «спутники» Самотлора, а здесь им предлагают месторождение где-то у черта на арктических куличках, за семьсот километров от основных баз, да еще с нефтью, которую и добывать, и транспортировать не научился никто в мире.

— Не время,— было единодушное резюме добытчиков. Если исходить из тактических соображений, то резюме разумное. Но если заглянуть во времени вперед, видеть стратегию освоения северных территорий завтрашнего дня?

Геологи настояли на проведении совещания в обкоме партии. «Защиту» месторождения поручили самому красноречивому, тогдашнему главному геологу Тюменского территориального главка Фарману Курбановичу Салманову. Немного словно, но весомо его дополнил начальник Главтюменьгеологии Юрий Георгиевич Эрвье. Оба Герои Социалистического Труда, лауреаты Ленинской премии, люди с международным авторитетом в геологии. Но и со стороны оппонентов выступали люди не менее титулованные и высокоотмеченные — герои, лауреаты. Они высказывались осторожно:

— Русское? Нет, не сегодня. Завтра.

Роль арбитра в трудном споре авторитетов взял на себя первый секретарь Тюменского обкома КПСС Геннадий Павлович Богомяков. Геолог по образованию и по призванию, ученый, стоявший у истока многих научных разработок и стратегии наступления на трудные недра Севера, получивший за это Ленинскую премию, первый, конечно же, смотрел дальше и глубже. Ведь решалась проблема не завтрашнего, а сегодняшнего дня: как сегодня найти подход к трудной нефти Русского, чтобы завтра, когда этого потребуют интересы страны, взять ее оперативно, без лишних потерь времени и средств, технологически грамотно.

— Вместе,— сказал первый секретарь обкома,— сообщая вы должны заняться решением проблем, которые ставит перед нами Русское.

Геологам на этой трудной модели предстояло отработать методику подсчета извлекаемых запасов вязкой нефти, а нефтяникам решить сложные вопросы извлечения

и транспортировки этого «вязкого» золота (еще один газетный «золотой» шаблон).

Вот после этого поворотного в судьбе Русского совещания и услышал я в телефонной трубке голос Анатолия Михайловича Брехунцова, главного геолога Тазовской нефтегазразведки и моего земляка, выпускника Томского политехнического института. Слышимость с Газ-Сале была неважная, но звучный голос главного геолога (насобачился на рациях-то) пробивался сквозь эфирную сумятицу:

— Ты что, главные события проспять хочешь? — гремел он. — Хочешь, чтобы тебя с работы за неоперативность выгнали? Что тебе Медвежье и Уренгой дались? Лети к нам, главные события здесь разворачиваются. Прилетай встречать зарю завтрашнего дня!

В Газ-Сале Анатолий Михайлович торопливо затолкнул меня в какой-то попутный вертолетишко, загроможденный металлическими конструкциями.

— Посмотри, посмотри, — перекрывал он интеллигентным баритоном шум вертолетных лопастей. — Это нужно видеть самому. Пять скважин пробуруем, чтобы четыре нагнетали воздух в пласт, а из пятой ползла эта противная нефть. С нефтяниками работаем — фирма!

После обкомовского совещания оппоненты геологов с видимой неохотой, но все же пошли на форсирование работ. Неохота эта выражалась в том, что экспериментальный участок, который создали на Русском, сначала подчинили НГДУ «Мегионнефть», потом передали «Варьеганнефти». И только почти три года спустя появился настоящий хозяин — было создано экспериментальное НГДУ «Заполярье-нефть». Чтобы судить о смелости этого организационного шага, нужно учесть, что в стране это единственное нефтегазодобывающее управление, в титуле которого хотя и есть слово «добывающее», но которое продукции не дает, нефть не добывает, а только занимается экспериментами по добыче. Рискованное дело! Ведь нефтяники

получают средства и материалы не под эксперимент, а под реальную продукцию. В Главтюменьнефтегазе на это рискованное предприятие пошли. Но осторожность, присущая самым первым шагам нефтяников на Русском, заметна и здесь. Базу нового НГДУ определили в Нижневартовске, прекрасном городе, «столице» нефтяной Сибири, но которая от Русского удалена почти на семьсот верст. А вся организационная схема выглядела и того несообразнее. «Заполярье-нефть» — в Нижневартовске, управление технологического транспорта, которое обеспечивает эксперименты техникой, в Мегионе, проектировщики сидят в Сургуте, цех добычи нефти дислоцируется в Тазовском. Речники завозят грузы на подбазу по реке Таз. «Плечи» этой схемы — от 60 километров до 700, — километры немеренной, совершенно бездорожной и подолгу попросту непроходимой тундры. На крепкий организационный кулак, способный ухватить все проблемы Русского, эта ненадежная паутинка явно не походила.

В качестве постоянного базового города для «Заполярье-нефти» выбрали станцию с неподходящим названием Тихая — конечную на железнодорожной магистрали Сургут — Уренгой. Но — существующая на чертежах проектировщиков и в расчетах планировщиков — в натуре станция отсутствовала. Сюда только в 1980 году вышли мостовики Тюменьстройпути. Поэтому нефтяники на голое, не очень гостеприимное место не торопились и надолго застряли на своей временной перевалке в Нижневартовске.

Чем привлекла эта станция с усыпляющим именем, я, с кем ни разговаривал, какого-то разумного ответа не дождался. От нее до месторождения добрых две немеренных сотни верст. Связывающей речной магистрали здесь нет. Не лучше было бы создавать базу прямо на месторождении?

Наконец-то я встретил человека, который мог ответить на многие вопросы и недоумения. Удачным ли было рас-

положение небесных светил в тот день, но мне повезло — потому что Петра Евстафьевича Матвеева застать в Тазовском можно лишь случайно. Начальник «Заполярье-нефти» бывает здесь нечасто, пролетом на месторождение или куда-то еще, где работают столь разбросанные друг от друга его люди. В Тазовском нефтяники построили гостиницу, которая со временем превратилась в настоящий жизнеобеспечивающий комплекс. Кроме гостиничных номеров, несколько комнат выделили под общежитие, в нижнем этаже расположили магазин, столовую, здесь же отвели комнатенку для конторы. Трещала пишущая машинка, беспрестанно звонили телефоны, запросто заходили в кабинет люди.

— Подыдемся ко мне, — сказал Матвеев. — В этом вертепе нам потолковать не дадут.

В холоднящем номере, который почему-то обозначался люксом, Петр Евстафьевич обрисовывал блестящие перспективы Русского.

— В 1983 году мы должны дать первую тонну промышленной нефти. Ежегодно будем наращивать темпы добычи примерно по полтора миллиона тонн. Впечатляет?

— Солидно.

— Фирма! — не без довольства сказал Матвеев. — Нефтишка-то — какой поискать! Международный клиент передерется, так что мешкать нельзя.

— Петр Евстафьевич, — осторожно поинтересовался я, — но ведь еще неясно, и как нефть добывать, и как первую тонну транспортировать?

— Трудностей много, — согласно кивнул тяжелой шевелюрой Матвеев. — Но сибирские нефтяники раскусывали орешки и покрепче. Вот я в Урале работал: гиблое дело, говорили, а мы подняли. Нет слов, программа напряженная, но ведь и время еще есть. Первый этап экспериментов практически закончился: вытеснение нефти водой. Результаты неплохие, но уж больно несущественно коэффициент

отдачи повысился. Сейчас будем внутрислоево горение внедрять.

— Нефть поджигать? Так что же от залежи останется?

— Слово «горение» в пласте приобретает другой смысл. Это будет что-то вроде тления, вязкость нефти резко понизится.

— Все так просто?

— Я ж вам «на яблоках» — схематично рисую. В натуре, естественно, будет позаковыристей.

Я смотрел на этого грузноватого, но живого и подвижного человека, слушал его рассказ и думал: «Каким же оптимизмом нужно обладать, чтобы при такой массе проблем у человека не опустились руки?! Ведь впереди столько трудностей, а он уже совершенно недвусмысленно уверен, что в 1983 году добудет эту желанную первую тонну. Ему еще создавать все положенные службы, у него жилья нет, специалистов не хватает, ему базы для буровиков, геофизиков, промысловиков, речников создавать, чертову уйму других дел решать, а он уже уверен в конечном успехе. Откуда берется такая уверенность, что рождает таких оптимистов? Мог бы спокойно в своем Урае работать — тепло, светло, налаженно, а он за Полярный круг полез».

— Жду приглашения, Петр Евстафьевич.

— Куда? — не понял Матвеев.

— На первую тонну в 1983 году.

— Заявка принята, — расплылся в улыбке мой собеседник. — Непременно.

Когда поговоришь с уверенным человеком, то и сам проникаешься его спокойным оптимизмом, избавляешься от паники сомнений: есть объективные трудности, но есть и энтузиасты, которым только трудности подавай, чтобы их преодолевать.

Но, оказалось, уверенность в том, что на Русском все налаживается и входит в нормально-производственную колею, была немного преждевременной.

...Внизу метет. И этот вихрь вовсе не от снижающегося на посадку вертолета: на Русском — пурга. Только опыт командира «восьмерки» позволяет вертолету произвести надежную посадку. Как эти перестраховщики из синоптического бюро умудрились выпустить вертолет? Когда мы возьмем обратный курс на Тазовский, метель прекратится, и поселок нефтяников из вертолетного иллюминатора будет виден как на ладони. Он не собран, этот поселок, разбросан, разномастен. Балки чередуются с зелеными бамовскими домиками, вагончиками и ярко-алыми полярными «бочками». Первозданной свежестью веет от срубов. В тусклом свете декабрьского дня поблескивает серебряный купол алюминиевого гаража. Беспорядок строительного хаоса и на площадке будущей компрессорной станции. И с высоты особенно поражаешься безымянному лингвисту, который придумал этот вовсе не технический термин «конверт». Так называют знаменитый здешний пятиточечник: четыре насоса-качалки составляют правильный прямоугольник, в середине которого «штемпель» — нагнетательная скважина. В этом «конверте» и запечатан секрет будущих методов разработки трудных недр Русского.

Это еще не поселок — черновик. Руки мастеров дорисуют его контуры, создадут строгие, четкие, ровные градостроительные линии. Пока же, как, пожалуй, и во всяком жилье пионеров, здесь тот первозданный хаос, из которого потом «вылупляются» поселки и города. Надо строить много и быстро.

Строители сдали новую столовую — приезжие дизайнеры поработали добросовестно, выглядит точка местного общепита привлекательно, особенно если сравнить ее с котлопунктом — тесным, с промерзшими углами.

— Как кормят? — спрашивает у очереди зашедший сюда первый секретарь Тазовского райкома партии Валерий Петрович Первушин.

— Сносно, — отвечает кто-то из рабочих.

— А как настроение вообще?

— Можно бы хуже, да некуда.

— А почему так?

— Сегодня не знаем, что будем делать завтра!

— Да еще начальства давно не видели!

— Что ж ты, Александр Николаевич, — обращается Первушин к стоящему рядом секретарю парторганизации Захарову, — не объяснишь народу перспективы развития месторождения?

— А что я могу, Валерий Петрович, объяснить, когда сам не знаю? Начальство приезжает, тоже ничего толком не рассказывает.

— Это не дело.

— Да уж какое дело?! Нам не только годового, но и месячного плана не доводят, — включается в разговор Василий Иванович Пашкевич, начальник Тазовского цеха по добыче нефти и газа. — День перебьемся, ну и слава богу.

— Матвеева ждете? — интересуется Первушин.

— Не обещал. Сальский был недавно, зам. по экспериментам. Неделю побыл.

— Да, руководство у вас приезжающее.

У вертолета столпотворение: желающих выбраться в райцентр явно больше, чем может вместить немаленький салон «восьмерки».

— Полетят только наладчики, — распоряжается Пашкевич, — и еще четверо по списку.

— Василий Иванович, возьмите меня, — обращается к Пашкевичу пожилая женщина в шубе. — Дочка болеет.

— Ну нет мест, поймите!

Глаза у женщины моментально становятся красными.

— Дочка одна, болеет, кто же за ней присмотрит?

Пашкевич отворачивается.

— Не я распоряжаюсь, просите пилотов.

В салон протискиваются дюжие парни — наладчики из Николаева, которым надо поспеть домой до Нового года. Из толпы оставшихся за бортом выбивается парень, на ходу протирая запотевшие очки. На его пути встает бортмеханик.

— Да не полечу я, не полечу, — огрызается очкарик. — Василий Иванович! — кричит он. — На минутку Василия Ивановича. Да позовите же его, срочное дело! Василий Иванович, здесь же ничего не решено. Машин не дают. Мне нечего здесь делать, кроме как спать.

— Я решу, решу, — торопливо отвечает Пашкевич. — Приеду и решу.

— Мне же завтра в Вартовск с отчетом, — появляется еще один проситель.

— Возьмем? — с надеждой обращается Пашкевич к бортмеханику.

— Спросите у командира. Я не решаю. И так уже пара лишних.

— Не берут, — отвечает Пашкевич. — Завтра вертолет будет, полетишь. — По его обреченному тону ясно, что сказано это только для очистки совести.

— Обождите, вон больного ведут.

Женщина в шубе плачет уже навзрыд.

— Василий Иванович, — морщится Первушин. — Да решите же вы, наконец, с ней вопрос: ребенок же болен.

Пашкевич затравленно смотрит на командира.

— Ты считать умеешь? — отвечает пилот. — У меня 14 кресел, а народу уже сколько?

— Василий Иванович, — раздался голос из толпы. — Да ты бы сам остался, мало что-то погостил, — насмешливо говорит парень в роскошном собачьем малахае.

— Ладно, надо быть джентльменом, — из хвоста вертолета пробивается к выходу аккуратно одетый мужчина, — и уступать место женщине не только в трамвае.

— Спасибо,— благодарно смотрит на него Пашкевич. Женщина, мгновенно переставшая причитать, взбирается по лесенке.

— Ну, кажется, все,— Пашкевич достает носовой платок и вытирает лоб.— Уф-ф...

— В пять часов зайти в райком,— говорит ему Первушин.

Я напрашиваюсь на эту беседу. Пока ждем Пашкевича, Валерий Петрович посвящает меня в сегодняшние проблемы Русского. Он — самый молодой первый на Ямале, но долгое время секретарствовал в Надымском горкоме, в те горячие дни, когда вводился в строй ямальский первенец — гигантское газовое месторождение Медвежье.

У первого приятная внешность и обаятельная, подкупающая улыбка.

— От нефтяников мы ждали большей серьезности,— расхаживает Первушин по кабинету.— Пашкевичу не позавидуешь: полномочий у него маловато, а спрос в основном с него. Он же даже на работу принять не может. Придет к нему человек, он с ним договаривается, документы отсылает в Нижневартовск, туда — сюда — месяц — другой прошел. Рабочий сидит, ждет, какой ответ придет из НГДУ. Если терпеливый — дождется, погорячее характером — плюнет, пойдет искать другое место. Расчет — та же самая волынка. Зарплата тоже идет из Нижневартовска с задержками. Связь практически отсутствует. Между Тазовским и месторождением связь есть, но нормированная. С вертолетами, естественно, дефицит. Сколько мы на этом организационном бюрократизме теряем — наверное, ни на каком арифмометре не подсчитать. Хорошо, что баню на месторождении построили, а то в Тазовский мыться летали. Пустяка не можем заставить сделать: котельная четыре года работает на дизельном топливе — завозить его дорого, накладно. Геологи давно уже перевели котельные на природный газ: проткни одну скважину — и всего-то делов. Создали проблему.

— А Матвеев на меня хорошее впечатление произвел.

— Впечатление Петр Евстафьевич может производить, — понимающе улыбается Первушин. — Я не знаю, насколько стратегически верно то, что они хотят «садиться» на Тихой, но то, что это удобно лично для Петра Евстафьевича, мне совершенно ясно. Почему он, как черт лаdana, Тазовского боится? Здесь под боком райком. Что это значит? Постоянный контроль. А сейчас в Нижневартовске его не особо контролируют, мы же зачастую сделать этого не можем. То же будет и на Тихой. Базироваться он будет в Пуровском районе, а работать — в нашем. Пуровскому райкому он будет вроде как «не родной», а нам формально не подчиняется. Вот и партизань в тундре.

— Верно я говорю? — обращается Первушин к входящему Пашкевичу.

— А о чем речь?

— Хорошо быть вольным казаком?

— Если это делу не вредит.

— Вот то-то и оно, что дело страдает, люди мучаются.

По смуглому лицу Пашкевича видно, что он или уроженец жарких краев, или долго работал под южным солнцем. Стаж у Василия Ивановича в нефтяной промышленности большой, четверть века, а северянин он молодой — всего год. До этого работал на Черниговщине и в Татарии.

— Надо, Василий Иванович, больше работать с народом — перспективы развития рабочие должны знать. Как же жить одним днем? Плохо человеку работается, если он цели не видит, не знает. Теперь о главном. Пригласил я вас для того, чтобы решить, наконец, где же вам все-таки лучше обосновываться. Есть какие-то соображения на этот счет?

— Пока железная дорога не придет, мы будем привязаны к реке. Думаю, минимум лет пять, а то и все десять. Надо закрепляться в Тазовском.

— У нас такое же мнение: райисполком уже отвел

микрорайон для нефтяников. Школа, больница, детские сады, клуб — все у нас есть, а пока это все построят на Тихой — как люди должны перебиваться? Все, что вы здесь постройте, не пропадет — ведь придет очередь Заполярного, Самбургского месторождений, а они от райцентра под боком.

— Тех, кто в Тазовском живет, убеждать не нужно, это нужно доказывать нижевартовцам.

— Значит, будем выходить на обком, ставить вопрос.

Когда начальник цеха ушел, Валерий Петрович в раздумье подошел к карте области, висевшей на стене кабинета.

— Да, в работе нефтяников еще много проблем. Решили, например, создавать на самом месторождении вахтовый комплекс «Заполярный» на полторы тысячи работающих. Что такое вахтовый поселок? По его статусу не полагается школы, больниц, детских учреждений, милиции тоже, почты и тому подобного, что мы не замечаем, когда оно есть, и остро чувствуем, когда нет. Мы уже сейчас строго запретили завозить детей на Русское. Есть приказ — не сажать в вертолеты. Но — везут, контрабандой. Какими приказами можно родительскую любовь запретить?

Я вот вспоминаю случай в Надымском районе. Там тоже на месторождении Медвежье газавики решили создать вахтовый поселок Пангоды. Построили общежития, клубик, столовую и больше ничего. И тоже был приказ — никаких детей, пусть живут в Надыме. Но детей везли, у кого жилья в Надыме не было, кто соскучился. Сначала на это не обращали внимания, а потом пришлось обратиться — детей разного возраста в этом вахтовом поселке уже насчитывалось шесть сотен. А школы нет, яслей нет, детсадов тоже. Вахтовый статус этого не позволяет. Но статус одно, а жизнь — другое. И вот несколько лет потратили на то, чтобы сменить эпитет, сделать из вахтового

нормальный рабочий поселок, ну и плюс к этому все, что такому поселку полагается. Смотрю я, как нефтяники разворачиваются, и думаю, как бы такая же петрушка не получилась и у них, в «Заполярном».

На карте Тюменской области Тазовский район занимает большой кусок на самом северо-востоке. Северная его граница — Карское море. Геологи открыли здесь не один десяток месторождений газа, конденсата и нефти. Но пока район по преимуществу культивирует традиционные отрасли северного хозяйства: рыбный промысел, оленеводство, охота, клеточное звероводство. Выход нефтяников на Русское (это самый юг района), конечно, придал бы новые стимулы для развития экономики и всего района в целом. Но не только соображениями районного патриотизма руководствуется первый секретарь, когда считает, что нефтяникам надо обосновываться в Тазовском. Ведь цепочка нефтяных и газовых месторождений тянется с юга на север, приближаясь к райцентру. И если заглядывать в недалекое будущее, можно уяснить, что рано или поздно нефтяникам придется обосновываться здесь. Но почему — поздно, если это можно делать уже сейчас?

В тот день я ночевал в гостинице нефтяников, в том самом холодном люксе, где пару лет назад Матвеев рисовал мне радужные картинки форсированного развития работ на Русском. В соседней комнате кипятили чай двое строителей. Как оказалось, оба они работают на месторождении, в строительном-монтажном управлении.

— И давно? — поинтересовался я у пожилого, Михаила Пименовича Харченко.

— Пятнадцать месяцев, — с гордостью ответил он.

И точность эта свидетельствовала о том, что месяцы эти были нелегкие.

Мы и в минус 62 работали, — добавил Харченко.

— Так по закону же не положено, активировать такие дни надо?

— А по другому закону положено, чтобы люди в хорошем жилье жили,— отпарировал Михаил Пименович.

— А не было в этих пятнадцати месяцах дней, когда хотелось отсюда уехать?

— Я ведь сюда добровольно приехал, меня никто не гнал, на что иду, знал.

Бородатый его спутник Володя Манзюк, как выяснилось, был у Харченко бригадиром, хотя годился ему в сыновья.

— Морозы что?— в его тоне чувствовалась северная эдакая бывалость.— Когда есть работа, согреться нетрудно. Вот когда работы нет, тогда зябко.

— Так у вас дел невпроворот: только жилья сколько строить. На компрессорной сроки срываете.

— Дел-то невпроворот, а материалов нет. Вот мы и мытаримся — сегодня плотники, завтра пилорамщики, послезавтра штукатуры, а вчера грузчиками были. Как говорится — с хлеба на квас.

— Конечно, хотелось бы нефтишку посмотреть,— сказал Харченко,— да что-то конца-краю этим экспериментам не видно.

Нет, я дождусь,— возразил Володя.— Как же — начал дело, надо посмотреть, по-путевому ли оно получилось.

— Вы — молодые,— хмыкнул Харченко.

Мне приходилось часто встречаться со строителями на Медвежьем, на Уренгое, на трассе железной дороги Сургут — Уренгой. Всегда приятно поражало местоимение «наша», которое они употребляют: наша дорога, наше месторождение, или — моя стройка. На Русском эти прилагательные как-то еще не прижились, по крайней мере, мне их не приходилось слышать. Какого-то хозяйского отношения не чувствовалось у всех, кто был причастен к проблемам этого месторождения. Да и кто вообще хозяин месторождения? В Главтюменьнефтегазе мне подсказали конкретно:

— Исчерпывающую информацию вы можете получить в Сибирском научно-исследовательском институте нефтяной промышленности. Найдите там отдел по внедрению новых методов повышения нефтеотдачи, Цымлянского.

— Да,— согласился Геннадий Константинович,— мы координируем и контролируем работы, которые связаны со своевременностью выполнения всех запланированных мероприятий и выдачей технической документации.

— Одним словом, будущее Русского в ваших руках?

— Если вам хочется выразаться столь высокопарно, то, считайте,— да. Сегодня нам совершенно ясно, что закачка воды в пласт нужных результатов не дает. Второй этап экспериментов — проверка эффекта внутрипластового влажного горения. Что касается транспорта нефти, то этот вопрос настолько сложен, что определенного ничего сказать не могу. Проблема пока обсуждается в министерстве, потом очередь в Госплане. Мы, тюменцы, остановились пока на железнодорожном варианте. Таким образом, раньше 1985 года проблема транспорта решена не будет.

— Я слушаю Геннадия Константиновича, и у меня возникает ощущение, что когда-то слышал примерно такие же слова, но было это давно. Действительно, в моем «досье» по Русскому сохранилась расшифровка интервью, которое давал Алексей Степанович Кувшинов, предшественник Цымлянского в отделе новых методов повышения нефтеотдачи:

«Закачка воды в пласт здесь, видимо, будет нецелесообразна. Через 2,5—3 года мы ответим на вопрос о способе вытеснения этой нефти, то есть о возможных промышленных запасах. К концу будущей пятилетки, во всяком случае, мы сможем ответить на вопрос, как разрабатывать месторождение, как к нему подойти, как обеспечить транспорт отсюда нефти».

Весь парадокс-то в том, что Кувшинов говорил это в 1975 году и «конец будущей пятилетки» для него означал 1980 год, как раз то время, когда мы и разговаривали с Цимлянским. Ровно через пять лет его преемник говорил о тех же самых нерешенных проблемах и тоном гораздо менее оптимистическим.

— Геннадий Константинович, положи руку на сердце, медленно выходят нефтяники на Русское?

Цимлянский поглядел укоризненно.

— Хочу подчеркнуть, — сказал он суховато, — месторождение расположено в большой отдаленности от существующих производственных баз Главтюменьнефтегаза, в районе с неразвитой сетью коммуникаций и дорог. Только одна проблема транспортировки нефти потребует на ее решение долгого времени. Так что ваше представление о том, что мы работаем недостаточно энергично, мне представляется довольно приближенным.

У меня вертелся вопрос о том, что час Русского, видимо, еще не пробил, но, кажется, мой собеседник вряд ли бы ответил искренне.

Может быть, мы действительно торопим события, а ведь нетерпение — не лучший критерий в оценке таких сложных явлений, как освоение самого северного разведанного в стране нефтяного месторождения, причем с такой трудной «начинкой» продуктивных пластов? Но ведь пять лет — срок немалый. Конечно, для экспериментов требуется время, но за пятилетку можно было разработать более четкую программу освоения, чтобы избежать тех психологических издержек, которые удваивают и утраивают объективные трудности.

Через дорогу от института СибНИИНП находится Западно-Сибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт, который возглавляет первый (и пока единственный) тюменский академик Иван Иванович Нестеров. Не в последнюю очередь от его энергии за-

висели первые научные разработки на Русском. Но что-то в последнее время сотрудников ЗапСибНИИГНИ на месторождении не видно. Поэтому, войдя в кабинет, увешанный геологическими картами, я сразу без обиняков задаю хозяину вопрос:

— Не утратили ли в институте интерес к трудной нефти?

— Ни в коем случае,— решительно возражает Нестеров.— Ведь если Русское интересно по своим запасам, то как месторождение оно представляет определенный тип. Посмотрите на карту: рядом с ним Заполярное и Тазовское, южнее — Северо-Комсомольское, недалеко от Самотлора — Ван-Еганское. Везде нефть повышенной вязкости. Дальше на север, на Гыдане, тоже вполне возможна находка таких же залежей. Так что на модели Русского нам нужно отработать схему подсчета извлекаемых запасов. Поэтому мы в институте создали специальный отдел по повышению коэффициента нефтеотдачи и сейчас нащупываем ряд перспективных направлений. Например, один оригинальный способ вытеснения тяжелых нефтей. Впрочем,— спохватывается Иван Иванович,— вам это лучше может объяснить автор. Поднимитесь этажом выше, к Льву Николаевичу Зырянову.

Лицо заведующего нового институтского отдела мне знакомо.

— Мы могли где-то с вами встречаться?

— Приходилось вам бывать в Новом Порту году этак в 1976-м?

— Бывал.

— Я там работал главным геологом в Новопортовской нефтеразведке и должен прямо сказать, что моя тогдашняя работа имеет непосредственное отношение к предмету нашего сегодняшнего разговора. Помните контору, в которой мы не только работали, но и жили?

Я припомнил новопортовский шедевр северного архи-

тектурного предпринимательства: ряд балков под одной крышей, с широким, как улица, и по-уличному продуваемым коридором.

— Холодище там был невозможный,— припоминает и Зырянов.— Никакие батареи не грели, все сразу выдувало, а дует в тех краях почти каждый день.

И вот тогда светлые умы из геологической службы нашли выход.

Зырянов берет лист бумаги и чертит схему.

— И знаете, наша система работала весьма эффективно, можно было даже снимать полушубки. Вскоре во всех кабинетах перешли на наш метод обогрева.

Лев Николаевич придвигает второй лист.

— Нечто подобное, только в гораздо больших масштабах, нам хочется попробовать на месторождениях с вязкой нефтью.

Метод прост и в то же время оригинален. На моделях, которые Зырянов отработывал вместе с заведующим кафедрой молекулярной физики Тюменского госуниверситета Альбертом Александровичем Болотовым, коэффициент нефтеотдачи значительно повышался. Но это не предел.

— И все же не все так просто, как чертится на бумажке,— предупреждает Лев Николаевич,— в жизни все посложнее, чем на моделях. На месторождении придется строить большое энергопредприятие. Придется завозить большое количество графита. Не решены проблемы вечной мерзлоты. Работы — воз и маленькая тележка,— доброжелательной улыбкой Зырянов ставит точку.

«Да,— думаю я, аккуратно складывая листочки с зыряновскими рисунками,— наверное, есть месторождения-удачники, счастливики. Их быстро вводят в разработку. Впрочем, конечно, счастливы не сами месторождения, что ей — мертвой органике-неорганике! Счастливы те люди, которые видят быструю отдачу, плоды своих поисков и самоотверженной работы. С Русским этого не получается.

Но так ли уж все плохо? Месторождение поставило много загадок. Какие-то уже разгаданы, над какими-то проблемами придется покорпеть. Да и некоторые организационные просчеты — не хороший ли это урок на будущее? Хотя, как говорят, мудрые учатся на ошибках других, а не на своих собственных».

...Гена Ковалев приехал в Салехард на комсомольскую конференцию. Он клеит конверты с контрольными. У заочников со временем — постоянный дефицит, поэтому несколько свободных часов заочник Тюменского промышленного посвятил на то, чтобы дописать несданные зачеты. На Русском крановщику Ковалеву время выбрать очень трудно — он там нарасхват, крановой техники не хватает.

— Ну как, изменения есть?

— Конечно. Раньше подъезжаешь к месторождению, как в глухую деревеньку — один огонек, другой... А сейчас — сверкает. Чисто город.

И в словах молодого парня столько гордости за сделанное, что я понимаю: есть уже люди, которые могут сказать о себе: Русское — моя судьба. И детям об этом будут говорить с гордостью.

ДЕСАНТ БЕЗ АВТОМАТОВ

Когда едешь в аэропорт Салехарда, на последнем свертке шоссе, уже на виду аэровокзала, проезжаешь по «аллее героев». Необычны эти герои — авиаторы установили на постаменты те машины, которые сегодня уже не увидишь в ямальском небе, но которые так много сделали, когда здесь все только закручивалось, набирало темп, то, что неизбежно должно было последовать за открытием нефти. На пьедестале ЛИ-2, по современным меркам тихход, но исключительно надежная, неприхотливая, прочная машина. Кинул на этой «аллее» свой якорь и АН-2В, гидробрат знаменитой «Аннушки», тот самый, который мог сесть на любую речку, озеро, лужицу. В ту пору, когда у геологов и строителей еще не было аэропортов, только он и мог везти срочные грузы. Последним в ряду стоит МИ-4, скромная крохотуля по сравнению с нынешними машинами, которые исступленно гудят на рядом расположенном вертодроме. Но в свое время эта крошка очень выручала геологов. Припоминается, как с одной буровой нужно было вывезти двадцать буровиков — это в два раза больше, чем может брать «четверка». Второго рейса не предвиделось, и долго поэтому никто из кряжистых проходчиков не торопился покидать тесный вертолетный салон, напоминающий в этот момент сельдяную бочку. Первый пилот охрип от ругани, потом махнул рукой: «Попробую». Вертолетик, отчаянно вращая винтами, завис над площадкой, срубленной из круглых бревен, натужно закрипел, как будто мучительно соображая, двинуться ли ему или присесть, пока не поздно, но все же предпочел медленно податься вперед. В салоне облегченно вздохнули, командир вытер пот... Сколько раз выручала вот так

эта юркая стрекоза! Как часто именно на этой машине сосредоточивались все устремления людей, прилет «четверки» становился в ряд крупных фактов биографии. Только тот, кому по роду его работы часто приходится ждать, понимает это.

Но вот отлетала знаменитая «четверка», отжила — в авиации время стремительно, значит, век — короткий. Иные времена — иные самолеты.

Сейчас буровиков на ямальскую вахту возят уже не только вертолеты, а и самолеты, да какие — ТУ-134, АН-12, АН-26! И откуда?! С Кавказа, из Прикарпатья, Удмуртии! В обыденку нынче стало геологоразведчику, удобно прикорнув в кресле, незаметно пересекая параллели, меридианы, часовые пояса, добираться до своего рабочего места. Наше время со своими стремительными машинами приучило нас ко всякого рода производственным чудесам — экспериментам. Совсем еще недавно выразительное покручивание пальцем у виска выражало естественную реакцию геолога, когда ему втолковывали, что возить вахту из Тюмени на берег Карского моря гораздо экономичней, чем «садить» всю нефтеразведку в этом холодном, негостеприимном Харасавее. Сейчас если кто и подумает, что у энтузиаста вахтового метода не все дома, то все же не поспешит поднимать палец к виску. Размах и масштаб дел, которые творятся нынче на Сибирском Севере, приучили к тому, что нынешние тысячные затраты «на ветер» завтра почти неизбежно принесут миллионные выигрыши.

В объединении «Уренгойнефтегазгеология» работают три летающие экспедиции, названия которых сами говорят, откуда же до Уренгоя должны добираться помощники северных поисковиков: Чечено-Ингушская, Удмуртская, Украинская. Далековато... Даже ярый поклонник экспериментов поморщится. Но ближе свободных рабочих рук пока нет, поэтому приходится на это идти, потому что помощь нужна, а сибирских кадров уже не хватает. Против

«летающих десантов» сибиряки не возражают, но недоверчивый прищур у глаз появляется сразу, когда заходит речь о «летунах».

Десант без автоматов. Где же я услышал такую формулировочку, кто это сказал? Четко помню, что и не специалист даже, а кто-то так, мимоходом, обронил, сам того не заметив и словам своим значения не придав.

Ба, да это же девушка — дежурная в ведомственной гостинице «Геолог» в Тарко-Сале. Я еще спросил ее:

— Где здесь ваши десантники селятся?

— Удмуртцы, что ли? — уточнила она. Назвала номера трех комнат, выделенных для них, и, когда я уже уходил, бросила незлобиво:

— Десант... — Выключила кипящий чайник и добавила: — Без автоматов.

Сама ли она додумалась или услышала от кого-то из постояльцев эту меткую фразочку? Но если об этом говорят в гостинице, то это, надо полагать, мнение сложившееся, ходовое.

Из наличного руководства Удмуртской экспедиции (точнее она именуется — Северная экспедиция Удмуртского треста геологоразведочных работ) в Тарко-Сале тогда находился только главный инженер Владимир Иванович Еськов. Худенький, по-мальчишески какой-то растерянный от того, что ему придется давать интервью. Суровому мужику-буровику, а в нефтеразведках народ бывалый, казалось, главинж требуется роста гренадерского, с зычными голосовыми данными, способный перекрыть гуд бурового дизеля. Опытный, хват. Но сознаю, что искусство инженера не только в его росте и голосе.

В тесном гостиничном номере стояла духота, которую не мог развеять гуляющий меж щелястых окон и дверей сквозняк.

— Извините, — сказал Еськов, — в другом месте принять не могу, контору начали строить, второй год, но пока все еще не ввели.

— Так прямо из гостиницы и руководите? — поинтересовался я.

— Да нет, — смущенно признался главинж, — есть бабочек, днем — половина наша.

К тому времени удмуртцы уже пробурили свою первую северную скважину, четырехсотый номер на Комсомольской площади, в западном углу Пуровского района, где именно им были отведены территории для разведки.

— С первой трудовой победой поздравить можно? — попытался я приободрить собеседника.

— Но чего это стоило... — Досада, копившаяся в нем, вдруг прорвала сдерживающую плотину, и он заговорил горячо, торопливо, как будто избавляясь от какого-то тяжелого ненужного груза.

Бурового станка долго не было, монтажники возились на сборке почти полгода. Когда пришла пора работать буровикам — началась вертолетная голодовка. На полтора месяца скважину пришлось законсервировать — редчайший случай в практике здешних проходчиков.

К сожалению, картина повторяется и на новых разведочных: буровые приходят в некомплекте, вышкари работают слабо. С вертолетами дефицит поострее, чем с японскими дубленками. Кому Лёвушкин (начальник местного аэропорта) дает борт в первую очередь? Конечно же, какому-нибудь давнему партнеру: местным нефтеразведчикам, сейсмикам, рыбакам, а уж в последнюю очередь его щедрости дождутся удмуртцы. В райком каждый день звонить не будешь. Можно взять приписной борт где-нибудь в Ухте, но сразу встает куча неразрешимых вопросов с заправкой, с гостиницей для пилотов и т. п.

Еськов, может быть, робкий, может быть, дисциплинированный человек — свое трестовское начальство не ругает. Но картинки десантного быта, акварельно им набросанные, живописны сами по себе. Снабжение идет через Главтюменьгеологию, финансирование через трест в Ижев-

ске. Телефонной связи между Тарко-Сале и удмуртской столицей фактически не существует, деловые контакты с трестом поддерживаются с оказией, когда летит вахтовый АН-26, а летает он не так уж и часто — шесть раз в месяц.

Умная женщина, гостиничная дежурная, очень уместна была ее реплика: представить только — выбросить десант на какой-то сверхважный плацдарм, а оружия не дать...

Но плацдарм-то не голый, там уже давно закрепились местные буровики.

Еськов эту тему старательно обходит. У них своих задач по горло, объемы бешено растут, проходка. Да и кто кому помогать приехал?

— Народ-то не собирается разбегаться?

— Да нет, крепятся, понимали, куда ехали.

— Наверное, в Ижевске у всех дома, квартиры?

Еськов поднимает на меня глаза, чтобы убедиться, не подшучиваю ли я.

— Какое там... В тресте нам квартиры выделяют так же, как здесь вертолеты.

— А выход какой-нибудь видится, Владимир Иванович?

— Построим контору, общежитие, жить легче станет. Совершенно ясно, что все итээровцы должны жить здесь, в Тарко-Сале. Бурить вахтово можно, а руководить нужно постоянно. Вот утрясем эту проблему. Чтобы разместить инженерный состав, нужно строить жилье, значит, нужно везти сюда строителей, а тем самым нужно жилье.

Еськов уныло разводит руками, всем видом давая понять, что не в силах этот порочный круг разорвать.

Человека становится жалко, когда он бессилен не сам по себе, а когда поставлен в обстоятельства, делающие его бессильным. Нормальный главный инженер нормальной, то есть оседлой, северной, нефтеразведки имеет возможность заниматься не только технической политикой,

он влияет и на то, как обиходить свои кадры, создать им подходящие жилищные условия, материальную базу разведки обеспечить. Зона влияния «десантного» главинжа выглядит куцевато. Что остается тому же Еськову, если не разводить руками? Будь на его месте петровский гренадер с шалыпинским басом — все равно и ему пришлось бы выполнять роль того буфера, на который жмут и снизу, и сверху.

Когда нефтеразведка «садится» оседло, за свой первый год она успевает сделать много. Обустроивается база, на первую пору готовится жилье: балки, вагончики, общежития. С ходу начинают работать буровики: на раскачку Госплан время не выделяет. Год прошел, смотришь, «автоматы» уже работают вовсю. Не без осечек, но «пальба» приличная. Не из голого сибирского патриотизма говорю об этом: практика показала. На какого-то дядю в Ижевске никто не рассчитывает. Законы действительно как во фронтовом десанте: сумел окопаться, значит, устоял. Слетающими экспедициями время закрепления затягивается. Слов нет, наладится работа и удмуртцев, если не наладится — наладят. Сегодня плохо работать в Западной Сибири — непозволительная роскошь. Но время-то уходит, теряется главный эффект десанта: с ходу бросать в бой все новые и новые подразделения, работая на ускорение темпа открытий. А ускорение и темп — это еще и деньги. Большие деньги.

Позднее появилась в Тарко-Сале вахтовая контора северных удмуртцев. В очередной свой приезд в этот райцентр я в удивлении остановился перед свежесрубленным, неоштукатуренным еще домом в два этажа. Был он какой-то несуразный, несобранный. Наверное, на архитектурском рисунке смотрелся недурно, но в натуре вышел легкомысленным. Рядом с этим шедевром местного градостроительства притулился утонувший в сугробе санитарный блок.

Небрежный парень курил на крылечке. Я поинтересовался, что это за заведение.

— Контора, — лаконично ответил он.

Разобраться во внутреннем расположении комнат было трудно, я попадал то на рацию, то в умывальник, то в какое-то канцелярское царство. В угловой с раскрытыми напроочь дверьми комнате сидели молодые парни. Комната сплошь, без промежутков, была заставлена кроватями. На голых панцирных сетках валялись полосатые матрасы.

«Пошутил», — подумал я про парня с крылечка.

— Да нет, — ответил мне паренек с пробивающимися усиками, — кабинет начальника напротив. Там, кажется, и управляющий из Ижевска.

Паренек, полусидя на матрасе, читал гриновскую «Бегущую по волнам». Ну что ж, может быть, когда-нибудь он изысканно-романтическим слогом опишет этот оригинальный вахтовый ковчег.

В кабинете начальника действительно находился гость. Грузноватый и уже немолодой директор объединения Михаил Митрофанович Погребняк по телефону обижался на снабженцев в Тюмени. Потом мы долго беседовали с Погребняком. Он безоговорочно отстаивал «ижевскую модель», жаловался на трудности, но я не услышал четкого ответа на вопрос, когда же начнет срабатывать эффект вахты. Пока же вся вахтовая экспедиция по объемам проходки действовала на уровне одной средней буровой бригады соседней оседлой нефтеразведки.

Но, может, только легкомысленные удмуртцы, не зная броду, сунулись в эту порожистую речку с невинным названием — вахта? Почти рядом (естественно, по северным меркам), за 150 верст от Тарко-Сале, на Уренгое, работают еще две летающие экспедиции — Чечено-Ингушская и Украинская. Первые добираются до Уренгоя из Грозного, вторые — из малознакомого доселе северянам прикарпатского городка Стрия, находящегося неподалеку от Львова.

У кавказцев есть заметное преимущество — они первыми высадились в уренгойской лесотундре, обживают эти места, осваивая новый метод, уже почти два года. Украинцы десантировались последними. Но если судить по производственным сводкам, которые регулярно публикует многотиражка «Тюменский геолог», разницы между ними никакой — обе в «хвосте». Расположились южане рядышком, как принято у геологов, на выселках, в промышленном «поясе» нового северного города — Новый Уренгой, через дорожку, которая спешит на здешние самые мощные в мире газовые промыслы.

— Ассалам алейкум, — на правах старого знакомого приветствую начальника кавказских «буровых джигитов» Нури Азизовича Баширова. Мы с ним впервые встретились в новоуренгойской гостинице, еще когда Нури Азизович прилетел на самую пристрельную разведку тех мест, где должна была приступать к работе возглавляемая им экспедиция.

— Алейкум ассалам, — приветливо отвечает Баширов, и его улыбка источает подлинно кавказское радушие.

— А где ж Али, почему я его не вижу? В Грозном, наверное, вахтуется?

— Нет, Али вахтуется сейчас в Архангельске, — обескураживает меня Баширов и, видя мое недоумение, поясняет: — Непоседливая натура, человек первого дня. Что поделаешь? Вот когда все закручивается, тогда он при деле, а наладилось — ему уже скучно. Уехал Султанов, писал мне, что в Архангельске какую-то огромную конюшню строит, на целый драгунский полк хватит.

— Так и у вас здесь вроде далековато до финиша, Нури Азизович?

— Что поделаешь? Спасибо Али и за то, что закрутил это дело.

Веселый был человек Али Султанов, житейская комму-

никабельность и прорабская пронырливость так органично сочетались в нем, что казалось — именно такие люди должны разворачивать такие дела — раскручивать южную вахту здесь, где до Северного Полярного круга осталось всего несколько километров. Но что поделаешь с непоседливым человеком горячей крови?

— Как здоровье? — запоздало интересуюсь я у Баширова. Ведь он прилетел только сегодня ночью. — Говорят, из больницы улизнули?

— Почему ж улизнул? Все официально — отпросился у главного врача на партийную конференцию. Если врач разрешил, значит, дело на поправку пошло.

— А что у вас?

— Ишемическая болезнь сердца. Неприятная штука. Но меня первый раз не здесь прихватило, а четыре года назад, в Казахстане, когда на Эмбе бурили сверхглубокую.

— Как же с таким сердцем все эти вахты да еще на Севере?

— Терпимо! — с неизменной улыбкой отвечает Нури Азизович. Он обращается к вошедшему в кабинет главному геологу Алтамирову с вопросом. Тот начинает объяснять. Хотя с планами в экспедиции тяжеловато, первое достижение налицо. Бригада Мусы Балаева пробурила на Уренгое самый глубокий ствол — 3580 метров, причем последняя сотка пришлась на АВПД — аномально высокие пластовые давления. Рядом бурили сибиряки, АВПД они проткнуть не сумели, получили неуправляемый фонтан. Кавказцев затем и пригласили сюда, что у них солидный опыт по проходке сверхглубоких стволов и как раз в условиях, когда надо преодолевать сумасшедшие давления этого печально знаменитого АВПД. Но чтобы показать свое умение, буровикам из Грозного приходится пока набираться северного опыта. Как достается он, знают даже врачи — специалисты по ишемии сердца.

Чечено-Ингушская экспедиция входит в структуру объ-

единения «Уренгойнефтегазгеология» на тех же основаниях, что и другие экспедиции-старожилы: Тазовская, Уренгойская, Таркосалинская. Только если ветераны базируются в северных поселках, то база ЧИНРЭ — в Грозном. Впрочем, можно ли называть базовым город, в котором у нефтеразведчиков только забегаловка-диспетчерская, куда они собираются перед вылетом? Есть еще кое-какие давние связи, при случае, если очень припечет с запчастями, можно зайти к генеральному директору объединения «Грознефть» Хачатурову. Но можно ли назвать город базовым? Вахтовики живут не только в столице, но и Нальчике, Сухокумске, Пятигорске, Махачкале. Так что Грозный — не что иное, как сборный пункт. Даже жизнелюбивый оптимист Баширов стесняется говорить о том, что задумал построить в Грозном многоквартирный дом (или даже несколько) для своих рабочих.

— Скоро сказка сказывается о том, что на воде вилами пишется?

Нури Азизович неохотно кивает головой.

Но у кавказцев все же более предпочтительная ситуация, чем у удмуртцев: объединение под боком, в Грозный за консультациями летать нет надобности. Все инженеры и специалисты живут постоянно в Новом Уренгое, руководство работает не налетами.

Я зашел к секретарю экспедиционного парткома Владиславу Бугрову. По образованию он экономист, закончил ВПШ, в свое время возглавлял партком крупного объединения «Грознефтеоргсинтез». Огромная организация, три с лишним тысячи коммунистов, права райкома. А здесь — всего 55 коммунистов. Вроде бы с облегчением вздохнуть опытному партработнику, а он:

— Тяжело...

Бугров плотнее запахивает полушубок: в парткомовском кабинете, как и во всей конторе, температура приближается к нулю. Не помогают никакие обогреватели.

В котельной кочегарят исправно, да ведь делали контору на скорую руку.

— Опираемся на таких людей, как Николай Николаевич, — знакомит Бугров с сидящим в кабинете пожилым человеком в рабочей робе. — Электромонтер Тимофеев, наш активный коммунист, член Новоуренгойского горкома партии. Времени тоже нет, но ходит, помогает. Так, Николай Николаевич, туго со временем?

— Зимой-то какой отдых? — охотно подключается к разговору бугровский посетитель. — Гляди да гляди. Станция выйдет, все остановится, замерзнем. Жизненный объект.

— Не то что на юге? — спрашиваю я.

— А я не с юга, — просто отвечает Тимофеев.

— Он из-под Уфы, — поясняет Бугров. — Мы в Уфе садимся, у нас там заправка.

— Так ненадежно вроде получается, Николай Николаевич, — сменяют место заправки, а вам место работы менять?

— Так я тогда через Тюмень, — не спеша отвечает Тимофеев. — Один раз как-то упустил рейс, в Тюмень поехал, у нас с Уфы прямой ходит, а потом на Уренгой.

Я не решаюсь задать ему шаблонный вопрос, что же так привлекло его на Севере. Он, конечно же, ответит, но вряд ли сам понимает, почему здесь. Заработки? Да уж больно хлопотные. Он и на своем Шкаповском нефтяном сумел на машину заработать, без всякой вахтовой сутолоки. Пенсия? Но ему 120 обеспечено. Дети? Старшая Люба уже сама зарабатывает себе на ленинградской стройке. Будущий агроном Саша — в армии. Семиклассницу Зою можно и на материковые заработки прокормить, тем более что и жена, Тоня — оператором в «Аксаковнефти» не последние деньги получает. Полярная романтика и уренгойская слава? Пожалуй, это не для пятидесятилетнего человека. Но вот же он здесь, на неуютном этом пока Урен-

гое. Антонина Николаевна небось тоже на вахтовую супружескую жизнь смотрит искоса. Муж рядышком любых денег дороже? А?

— А кто тогда здесь работать будет? — все так же просто отвечает Тимофеев. Простодушное выражение сразу сменяется победным. А взгляд остро вопрошает: «Ну что, крыть-то нечем?»

Крыть, конечно, нечем да и незачем. Все, естественно, сложнее. Но ведь живет же где-то в настоящем рабочем человеке, оседлом семьянине вот такая мысль, до самой старости живет, не угасая: «Кто ж ее, матушку-Сибирь, осваивать будет? Молодые, они, конечно... Но без опытных рук — куда им, такого натворят, пока опыта наберутся».

Тот же Бугров. Бросает хорошую работу, с хорошими шансами на дальнейшую карьеру. Но вот пришел в обком Баширов, попросил толкового партийца, и Владислав Васильевич едет сюда, где в самом теплом кабинете все еще пока не выше плюс десяти по Цельсию. А перспективы? Пока одни шишки.

По поселку вахтовиков водил меня начальник БПО Анатолий Афанасьевич Романович. БПО — это база производственного обслуживания. Собственно, весь поселок и есть хозяйство Романовича. Но база — пока больше в будущем, чем в настоящем. Кроме энергоцеха, котельной, крохотной РММ на три токарных и два фрезерных станка, все только строится. Стоят фермы просторной ремонтной мастерской, где предусмотрели прокатный цех и цеха по ремонту бурового оборудования и турбобуров. Готов каркас склада, достраивается овощехранилище, а столовая уже «на выданье». Сам Романович в Уренгое недавно, здешние обязанности для него в новинку, но к удовлетворению, с которым он рассказывает о том, что уже успели сделать, примешивается досада, которую он безуспешно старается скрыть. Почему старается — ясно, куда ехал — ведал, что будет делать — знал. А почему безуспешно?

Ведь он не просто дипломированный инженер-механик, а специалист в области новых методов сварки. Он-то ехал сюда, чтобы именно свои специальные знания и опыт показать, но пока от него требуется только хозяйственная расторопность.

После обхода объектов Анатолий Афанасьевич приглашает меня к себе домой — попить кофе и погреться.

Обитает он с женой в комнатухе деревянного общежития. Окна и двери занавешены одеялами — свидетельство того, что жарко и здесь не бывает. Но уже собраны чемоданы, упакованы ящики — нехитрый скарб вахтовой семьи — через недельку-другую Романовичи переберутся в «бочку».

Мы пьем кофе по-кавказски, и Анатолий Афанасьевич рассказывает свою историю, еще одну историю о том, как люди, которые вчера еще никуда не собирались, становятся вахтовиками. Двенадцать лет он проработал в научно-исследовательском секторе Грозненского нефтяного института, который в свое время закончил. Заведовал лабораторией сварочного производства, преподавал, вел практику. Лаборатория занималась разработкой технологии сварки сталей нефтяного сортамента, разрабатывала проекты сварочных цехов, трубных баз, автоматических линий сварки бурильных и обсадных труб. Зав. лабораторией вышел на кандидатскую «прямую», тема: сварка с применением различных вибраций — ультразвука и механических колебаний. Популярно, как говорится, «на яблоках», суть метода объяснить трудно, но дело было стоящее, не какой-то там проходняк — ни производству, ни науке.

Но на соискателя обрушился град житейских обстоятельств — умер отец, прибавилось свое семейство, не ладилось с квартирой. Для диссертации нужно было часто ездить в Москву, в МИНХиГП, а денег не было. Пришлось мечты об «остепенении» оставить.

Институт занимался не только разработкой, но и внед-

рением своих методов. Руководитель научно-исследовательских работ Юрий Давыдович Щупак это дело полностью доверил Романовичу, и тот подолгу пропадал на заводах и в экспедициях. В Кульсарах, где тогда работала Южно-Эмбинская экспедиция, предстояло внедрить автоматическую сварку обсадных колонн. Новый метод «трубного монолита» давал много эффектов: упрощал конструкцию скважины, создавал стопроцентную герметичность, ускорял работы на спуске колонны, экономил деньги. В экспедициях внедрение нового идет через главного инженера. А главным в Южно-Эмбинской был Нури Азизович Баширов. Потом, когда Баширов уже переберется в Уренгой, он разыщет Анатолия Афанасьевича. В роли змея-искусителя он будет говорить соблазнительные слова о передовом фронте, о просторе для работы и для внедрения нового, об обретении себя. Романович, конечно, будет ссылаться на житейские обстоятельства. Но не такой человек Баширов, чтобы отступить без боя. В Уренгое он начал внедрение автоматической сварки обсадных колонн, и Романовичу волей-неволей пришлось ехать на помощь. В конце этой командировки осталось несколько дней до вахтового самолета, и геолог Славик Бобрищев взял его на охоту.

— Хотите посмотреть слайды? — спрашивает Анатолий Афанасьевич.

На цветных просвечивающих снимках — раздольные просторы здешней тундры, приречные заросли, сам Романович в походном снаряжении с только что вытасченной огромной рыбиной.

— Вот эта охота и поставила последнюю точку в моих сомнениях, — говорит хозяин. — Охотник и рыбак я заядлый, а здесь для этих страстей — приволье.

Доцент Щупак, чуть не упавший в обморок, конечно, отговаривал. Наталье Николаевне тоже как-то непривычно было менять Министерство культуры на Министерство гео-

логии, но плановики-экономисты в Уренгое тоже требовались. Все решило то обстоятельство, что в Грозный можно наведываться регулярно — самолет-вахтовик летает шесть раз в месяц.

— Но здесь сейчас столько работы, — признается Романович, — что выбрать время на Грозный никак не удастся. Успела ли мать виноград убрать или он все еще на лезе мерзнет, даже не знаю.

Сейчас он намеревается обустроить «бочку», чтобы если не зимой, то ближе к весне перевезти сюда и трехлетнюю Майку. Контракт Романовичи заключили на три года, но Анатолий Афанасьевич понимает, что времени потребуется побольше, когда он сможет заняться тем, ради чего ехал сюда. Для его экспериментов нужна надежная база.

Увижу ли я его, приехав в Новый Уренгой, скажем через год? Не загадываю. Веселый человек Али Султанов тоже обещал здесь оставаться до тех пор, пока не построит базовый разведград... Но есть сложная жизнь, разнохарактерные человеческие взаимоотношения, есть производственные схемы, которые вдруг на каком-то этапе неожиданно начинают проявлять свои несовершенства. Да и сами мы — лучшие ли предсказатели своих жизненных маршрутов?

...Мороз стоял в тот день под сорок, и я даже на этих трехстах метрах, перебегая дорожку от чеченов к украинцам, умудрился приморозить нос.

— Три снегом скорей! — квалифицированно посоветовал мне какой-то рабочий, когда я вынырнул в свет электрического фонаря перед конторкой Украинской экспедиции. Сам он был закутан в шарфы до самых глаз.

— Как морозец? — мужественно поинтересовался я.

— Дуже гарно! — неожиданно похвалил он.

Мне вспомнились слова начальника этой экспедиции

Михаила Ивановича Слободы, когда он тоже похвалил здешнюю погоду.

— Здоровый климат, мы все его хорошо переносим. А вот в Афганистане работал, так там жара действительно с ума сводила.

Самого Слободы на базе не было: поехал в бригаду Довбенко вручать красный вымпел объединения. Сибирские украинцы хорошо поработали в третьем квартале, сразу попав в компанию лидеров Запукргеологии. В кабинете Слободы сидел солидный седой мужчина.

— Будет хозяин? — спросил я.

— Так и я ведь тоже хозяин. Мы с начальником вместе эту площадь делим. — Он представился: — Костюк Олег Иванович. Главный геолог.

Удивляться тому, что в кабинете начальника занимаются другие главные специалисты, можно где-то в другом месте, а не в вахтовой экспедиции, которая всего несколько месяцев назад высадилась в приполярной тундре.

В отличие от удмуртцев и чечено-ингушей, украинцы выбрали иную схему структурного подчинения. Они входят в состав объединения «Запукргеология» Министерства геологии УССР, а перед объединением «Уренгойнефтегазгеология» выступают в роли подрядчика.

— Тихое телятко двух коровок сосет, — улыбаясь, со значением произносит Костюк.

— Это он точно, — услышал фразу входящий в кабинет Юрий Борисович Куринский, начальник недавно созданного во Львовском объединении отдела по геологоразведочным работам в Западной Сибири. — «Раздевают» объединение, как хотят и как могут. Чуть им возразишь — сразу напомнят, что главная топливно-энергетическая база страны находится не в Карпатах. Враз сибирскими патриотами стали, а Олег Иванович — первым.

Куринский смеется, и по тону его ясно, что патриотами

Сибири стали не только те, кто прилетает на вахту на Тюменский Север, но и те, кто остался во Львове.

Пожалуй, именно украинская производственная схема выглядит наиболее привлекательным образом. У чечено-ингушей — голые тылы, удмуртцам, наоборот, трудно рассчитывать на помощь северных коллег-соседей. У украинцев же и надежная база на родине, объединение, как они выражаются, — «матка», и Уренгойское объединение кровно заинтересованы в их производственных успехах. У себя в Карпатах «радяньские» проходчики установили рекорд — пробурили скважину глубиной семь километров один метр. И этот их опыт на Уренгое необходим позарез. Осадочный чехол, или, если попроще, продуктивные на нефть и газ толщи здесь уходят вглубь на 8—9 километров. Пока же, как мы знаем, уренгойский рекорд еще и пяти не достиг.

Справедливости ради следовало бы упомянуть, что украинцы тоже обожглись на вахтовом «молоке». Как только пришел приказ о создании новой нефтеразведки, в голую тундру была высажена бригада буровиков. Хотели сразу вести проходку, но быстро поняли, что без хотя бы мало-мальской ремонтной базы, без жилья, без самого необходимого, не действует никакая вахтовая модель. Северных комаров карпатцы покормили знатно, поэтому быстро усвоили урок и сейчас обустривают свою вахтовую подбазу капитально и основательно.

Поджидая экспедиционный «уазик», чтобы добраться до города, я разговорился в диспетчерской с тремя рабочими. Двое — те, что постарше, — оказались со Стрыйского вагоноремонтного завода. Только Леонтий Альбинович Скробанский — слесарь-инструментальщик, а Михаил Михайлович Макаров тоже инструментальщик, токарь. На ВРЗ каждый из них отработал около двадцати лет. Но в одном подъезде с Макаровым в пятиэтажке по улице Вишневой жил дружок Сашко. И Сашко, и Витько уже навост-

рились на Уренгой, они соблазнили на Север еще двух квалифицированных рабочих.

— Быстро вас,— говорю я Макарову.

— Так за двадцать-то лет надоело, наверное, сталюгу грызть. Захотелось работы поразнообразней.

Почему поехал на Север Скробанский, более понятно. Все свои отпуска он тратит на путешествия, объехал практически всю страну, добирался до Воркуты, потом доехал до Лабытнаног и с помощью знакомого оленевода проехался по ямальской тундре.

— Мне такая система вполне удобна,— признается Леонтий Альбинович,— полмесяца хорошей работы, полмесяца дома. У меня двое детей, уже женаты, но двое еще в школе. Я люблю фотографией заниматься, домашним дизайном, пчел держу, машину собрал. Две недели свободных — это ж просто подарок. Вот поговаривают, что нас с двенадцатичасового рабочего дня на восьмичасовой переведут, и будем мы меняться через полтора месяца, а отгулов всего пятнадцать дней, тогда я еще подумаю, стоит ли эта овчинка выделки. А пока все нормально, все довольны.

Когда я спрашиваю о северной природе, Скробанский переходит на «ридну мову»:

— Мени пивничь дуже подобається. И просторы, суровость, всему есть своя прелесть и краса. Гарна.

Третий мой собеседник помоложе своих товарищей, и «хата» у него не в Стрые, а в городе Калош. Там Владимир Селецкий работал электросварщиком на заводе. В Калоше их, вахтовиков, много, ходит специальный автобус, чтобы доставить во Львовский аэропорт. Владимира на Уренгой сагитировал его старший брат Богдан — прораб, первым из Селецких десантировавшийся на Тюменском Севере. Здесь же работает экспедитором и самый старший из братьев — Адам.

Владимир по-русски говорит неважно. Я задавал воп-

росы на одном славянском языке, а получал ответы на другом.

— А кто на родине остался?

— Жинка и детина. Рик скоро будет. Восьмого грудня. Шустра уже, весела, удалась в жинку.

— Молодая жена, наверное, скучает, да еще с дочкой такой маленькой?

— Кто не сумует? Як бы не кохала, то бы ни чикала и не сумувала. Чикает с години на годину. Донька больше за татом. Приеду — «тата, тата!»

Молодой супруг на Север поехал, конечно, чтобы позаботиться о благосостоянии своей семьи. Тем более домик у него под снос предназначен, дорогу там прокладывать решили, дадут, конечно, «державну» квартиру, но семейно лучше жить в своей. И вахтовая схема молодого Селецкого устраивает — от дома надолго отрываться не приходится.

И вот так, что ни человек — то свой интерес в вахтовой системе.

До города, когда подошел «уазик», я ехал вместе с начальником стройучастка экспедиции Владимиром Васильевичем Шамсотдиновым. Он киевлянин, приехал в Уренгой еще до появления здесь земляков-нефтеразведчиков. Жена работала в трассовом тресте. Когда узнали о вахтовой экспедиции, постарались перевестись в нее. Львовский рейс в Киеве делает посадку, им удобнее, на родину не только в отпуск можно попасть, но и на отгулы, да и за казенный счет притом. А строители везде требуются.

— Удобно, — признался без обиняков Шамсотдинов. — Сел в Новом Уренгое, приземлился в Борисполе. А если не на вахтовике, целое путешествие совершить надо, чтобы до дома добраться. Сейчас как-то спокойнее, надежнее работается.

Сегодня, когда я слышу слова «вахтовый метод в геологии», то знаю, что устоявшегося понятия в этом опреде-

лении искать не следует. Геологи ведут поиск метода, который наиболее кратким путем привел бы их к цели: как можно быстрее разведать те подземные запасы газа и нефти, которые спрятали стальные недра Сибирского Севера. Панацея ли этот метод, или просто временная мера, когда другим образом сибирякам помочь нельзя? Привьется ли он в будущем, или от него придется отказаться?

В московском институте Гипрогор разработали схему районной планировки Ямало-Ненецкого округа на период до начала следующего тысячелетия, на 25—30 лет вперед. Специалисты переработали массу разного материала. Как уютно чувствует себя на излете второго тысячелетия вахтовый метод?

— Прежде всего, мы должны отказаться от понятия «временный», — рассказывал мне главный инженер проекта Александр Ильич Гафт. — Временный поселок, временный житель. Разведка и разработка северотюменского газа и нефти будет вестись долго. Поэтому надо настраиваться на то, что освоение этих запасов — долговременная программа, и люди должны быть соответственно подготовлены. Обживать берега Карского моря — дело тяжелое, поэтому вахтовый метод должен остаться. Но «шаг полета», есть такой специальный термин, должен сократиться. Конечно же, не с Кавказа и не с Украины нужно возить сюда рабочих, а из базовых городов, которые уже или существуют в Сибири, или строятся: Салехард, Лабытнанги, Надым, Новый Уренгой, Тихий, Ноябрьский. Когда в них будут созданы все условия для достаточно комфортного пребывания, необходимость в далеких вахтах отпадет.

Гафт произносит слова: «компромисс», «золотая середина».

— Как все наиболее рациональное, лучшее находится посередине. Мы не должны отказываться и не впадать в

крайности, а взять все наиболее приемлемое, отбросив то, что не приносит пользы.

Логичная точка зрения. Но я тут же вспомнил свой разговор с Иваном Петровичем Крохиным. Это едва ли не старейший геолог на Ямале, значок «Заслуженный геолог РСФСР» у него на пиджаке, сейчас Крохин возглавляет нефтеразведку в Нумгах. На Тюменском Севере он уже четверть века.

— Мы с каким нюансом сейчас столкнулись? — жаловался он. — Откуда к нам раньше опытные кадры приезжали? Башкирия, Белоруссия, Татария, Поволжье. То есть старые нефтедобывающие районы. Сейчас оттуда народ в нашу оседлую экспедицию не идет. Ждут буровички, когда мы вахту создадим, чтобы летать из дома на работу, с работы — домой.

Крохин видит один выход в складывающейся ситуации: надо хорошо обустраивать базовые поселки нефтеразведок, создавать поисковикам максимум комфорта, чтобы не создавалось у человека ощущения временности.

Но вот парадокс: на совещании в Тюмени по Крохину жестко «прошелся» сам начальник главка Салманов:

— У тебя, Иван Петрович, под боком прекрасный город Надым, а ты со своего геологического хутора никак убраться не можешь. Пусть твои люди живут в хороших городских квартирах, они это заслужили. Чего ты боишься?

— А я действительно боюсь, — признается Крохин. — Посели я своих шоферов в городе, они разбегутся. В Надыме организаций много, дороги стабильные, а не мои зимники, а платят если не столько же, то еще и больше. Буровики, вышкомонтажники себе тоже работу найти смогут. Разведка разведкой, а кому лишний рубль за свой самоотверженный труд получить не хочется?

Так одно накладывается на другое, и вот начальник нефтеразведки, который считает, что выход нужно искать

в строительстве благоустроенных баз, оказывается в ретроградах, потому что не хочет перевозить своих рабочих в город.

Как же все это привести в согласие, гармоничное соответствие, чтобы одно другому помогало, а не мешало? Кто этой производственной северной гармонией должен заниматься?

Крохин в своей экспедиции провел небольшой эксперимент. Его буровики летают на работу на девять суток. Три дня отгулов, потом снова девятидневная вахта. Лучшая бригада экспедиции, ее возглавляет Борис Шилин, стала работать по четырехдневной схеме: четыре дня на вахте, четыре — на базе. Только рабочий день не восемь часов, а двенадцать.

— И, понимаешь, совсем неожиданный эффект, — хвалится Иван Петрович. — У меня в поселке меньше пьянок стало, семейные скандалы на убыль пошли. А в чем дело? Как раньше обстояло? Человек улетает на девять дней. Смену отстоял, потом предоставлен сам себе. Конечно, и газеты мы им возим, и радиоприемники там есть, и кинопередвижка, и даже лектор невзначай заглянет. Но представь, что ты через три дня в девятидневные командировки летаешь. Тяготится человек вдали от дома. Он прилетел на базу, в баню сходил, по традиции — причастился. Назавтра похмелился, а на третий день перед работой отлежаться нужно. Какой он глава семьи, и какой воспитательный эффект имеет его недолгое пребывание среди детей? Я одного такого воспитывал, а он мне в ответ: «Поработай на моем месте, через полгода я тебя воспитывать начну». Смех смехом, а у меня хорошего педагогического аргумента в запасе нет. А сейчас он четыре дня на буровой выкладывается по 12 часов. Только заскучал по жене, по семье, тут и время приспевает лететь на базу. В гастронорме он уже не торопится, знает, время есть — если и выпьет, то разумно. У меня в приемной женщины в очередь

стоят: «Когда моего на четырехдневку переведете?» Будем переводить. Дело стоящее: производительность повышает-ся, и социальные задачи этак ненароком решаем.

— Кто же вас надоумил, Иван Петрович?

— Медики. Разработка пришла из Новосибирска. Там они в Академгородке вахтами занимаются.

Мне как-то приходилось встречаться с одним из руководителей программы «Вахта», действительным членом Академии медицинских наук СССР Владимиром Петровичем Казначеевым. Полностью эта программа называется «Оптимальные режимы экспедиционно-вахтового метода» и входит составной частью в единую программу «Сибирь».

В том разговоре Казначеев сказал:

— В нашем социалистическом производстве перемещение рабочих рук является крупнейшим инструментом развития экономики страны, поэтому к таким проблемам, как вахтовый метод, нужно относиться только с фундаментальных позиций.

Ну что ж, Иван Петрович Крохин уже имел возможность убедиться, что сибирские медики действительно начинают фундаментально работать в этом направлении. Но после разговора с Крохиным как было не задуматься над тем, а почему же этой проблемой не занимаются наиболее серьезнейшим образом экономисты, плановики, бухгалтера, для социологов и профсоюзных лидеров здесь простор большой. Где тот координирующий центр, где о вахте все знают, все расскажут и все, что надо, посоветуют? А здесь стихия еще властвует, самодеятельность. Значит — непрофессионализм. Кто во что горазд. Жизнь, она все на свои места поставит, естественным отбором оптимальную модель выберет. Но естественным ходом — это и со многими ошибками, да и долго. А ведь мы, кажется, согласились, что время общества — это деньги общества. Значит, естественность эту нужно в удобное русло направить, ускорение ей придать.

Полетаешь над северными просторами или просто взглянешь на карту Советского Севера — невольно задумаешься. Много здесь уже освоенного, но больше (услужливая память сразу подкидывает сравнение с айсбергом), неосвоенного да и просто незнаемого нами, непознанного, неизученного, неисследованного. Богатейшие края!

А уж этот плацдармище десантами без автоматов не возьмешь! Нет, не возьмешь!

ПАХНЕТ АРКТИКА НЕФТЬЮ

Поезд отходил от Тюмени на восток. Как всегда, когда в купе собираются только занятые собой мужчины и среди них не оказалось коммуникабельного заводилы, никто не торопился знакомиться. В узеньком прямоугольничке купе повисла почти по-английски чопорная тишина. Наверное, тревожило пассажиров лишь то, что была не занята одна из верхних полок — удобнее все же ехать пусть в скучноватой, но своей мужской компании, чем с женщинами и детьми. Поезд должен был отходить с минуты на минуту.

Вот в этот момент и ввалился в купе четвертый пассажир, не расстроивший своим появлением мужского сообщества.

— Я ей говорю — давай купе, — начал он, заталкивая два увесистых мешка на самый верх. — Что, у меня денег нет — в купе проехаться? До Ишима хоть и четыре часа, да в общем-то толкотня муторная. Можно ж проехаться и по-человечески. Правильно?

Вопрос ни к кому не адресовался, но сидевший у окна пассажир с руками пианиста вежливо откликнулся:

— Естественно.

— Так слушай, — обрадовался собеседнику четвертый, — пришлось ей муксунишку-то отдать. Нет, говорит, купе, какие, говорит, в последнюю минуту нынче купе?

На вид этому коренастому крупноплечему мужику с широким и простоватым лицом было лет за сорок. Он управился со своей поклажей, спрыгнул с полки, снял плащ. Плащ был вроде и выходной, но помятый, видимо, только что вытащенный из вещмешка. Наверное, четвертый наш спутник был чуть на взводе, но самую малость. Может, пивка уже на вокзале прихватил.

— Да жалко мне, что ли, этих муксунов? Я ей говорю: от буровиков арктического Харасавея пламенный презент. Протягиваю ей сверточек, ну, она тут и заголосила по своим селекторам: «Светочка, срочно одно купированное для большого начальника из Харасавея!»

Видно было, что он все еще живо переживал перипетии у билетной кассы, и, кажется, мысли у него не могло возникнуть, что других это интересует в меньшей степени.

— Что — в общем? Я за свою жизнь по этим теплушкам натолкался. Что, я себе купе не могу позволить?

— Взрослый человек, — дипломатично ответил «пианист» у окна.

— Познакомимся, что ли, мужики? — предложил харасавеец. — Мне хошь и недолго, да как-то неловко... это... инкогнито.

Слова типа «презент», «инкогнито» он произносит с заметным усилием, но, видимо, любит их при случае вернуть. Сам он представился первым:

— Витек. Мазута из Харасавея.

— Коллега! — обрадовался мужчина у окна. — Александр. Я на дальних линиях хожу, от Свердловска до Серова, а ты на каких?

— Сотка. Болотник. Да и вообще — что попадетсЯ, — ответил Витек. — К нам такие агрегаты присылают, сборные со всего Союза, ни один генеральный конструктор в марке не разберется.

Еще один наш спутник не проявил интереса к общей беседе и надолго вышел покурить. Свердловчанин оперативно повозился в чемоданчике и достал прозрачную бутылку, этикетка которой уважала старорусские традиции. В том же чемоданчике нашлась дефицитная о ту пору весенняя зелень, а Витек вывалил на крохотную столешницу свежепосоленного муксуна.

— Предпоследний, — заметил он. — Одного-то надо хозяйке довести.

Мне не хотелось расшифровывать свое журналистское анкогнито, чтобы не мешать откровенному разговору, но Витек по вопросам быстро обнаружил мою осведомленность в харасавейских делах и время от времени хитро поглядывал в мою сторону: мол, прячься, прячься, начальник, нам, простым людям, скрывать нечего. Поработали — выпили, за жизнь поговорили, — свидетельствовал этот хитроватый прищур.

Впрочем, за столом, пожалуй, шел не диалог. Александр время от времени вставлял пару фраз, но так как его интересовали арктические рейсы и жгучие заработки, то он и не мешал «мазуте» вести монолог. Настроение у Витька как раз и было — излить душу.

— Я же прямо сегодня с Харасавея, на вахтовике прилетел. Там снегу невпроворот, даже на бугре черной пролепти не заметишь, а тут зелень вон за окошком бежит березовая. У меня еще после вчерашней смены ноги гудут, а я ночью уже дома буду, у своей Клавдии. Ты представляешь, — Витек поднял свой стакан, — мы ж вылетали из Харасавея, барышня-то, стюардесса, объявляла: за бортом минус восемнадцать. А здесь сколько? Плюс? Вот она, авиация-то!

Наверное, все же язык ему развязало вокзальное пиво — он вовсе не походил на записного говоруна. А, может, здесь все одно к одному складывалось — и радость, что сегодня он уже будет дома после пятимесячной разлуки, встретит жену, детей, земляков. Впереди почти три месяца отгулов за почти полугодовую бессменную вахту. Наверное, ему импонировало и то, что сегодня он едет в купе, вроде он преодолел какой-то психологический барьер, а хорошие ребята от всего сердца угощают его. А, может, зеленые березы за окном всколыхнули заскубеневшую на арктических морозах душу... Да и где, как ни при случайной встрече, со случайными попутчиками, особо и разоткровенничается русский человек!

В его рассказе-монологе не было чего-то необычного или нового для меня. Карская нефтеразведочная экспедиция, с базой в Харасавее, в северо-западном углу полуострова Ямал, на глинистом береговом обрыве Карского моря,— первая вахтовая экспедиция объединения «Ямалнефтегазгеология».

Чем же привлек меня обыденный рассказ Витька? Наверное, простотой своей и естественностью. Нас порой завораживают такие красивые слова, как «арктическая вахта», а, по существу, это та же жизнь, простая, скучная и прекрасная одновременно, и уж, конечно, экзотика если и играет в ней какую-то роль, то весьма несущественную.

Позднее, в Харасавее я узнал поподробнее о моем попутчике. Пополнее и поофициальнее в штатном расписании он числится так — Виктор Александрович Бастраков, тракторист из вышкомонтажного цеха. На мой вопрос, как работает Витек, инженер цеха ответил:

— По два года у нас плохие не держатся. Не держим.

Ну, а история, как Бастраков попал в вахтовики, по его рассказу, выглядела так. Сам он ишимский и до сорока лет работал в родном городе безвылазно, не думая ни о каких деньгах и северах. В местном дорожном участке водил «Кировец» с утюгом на прицепе, гладил асфальт. Сначала платили сносно, потом больше 160 рублей, как ни бейся, не получалось. Деньги в общем-то неплохие, тем более жена тоже на службе, но у них четверо детей. Это сейчас двое уже работают, средняя дочка в техникуме, а последняя (по отцовской терминологии — «заскребышек») перед школой последний годок бегаёт. В общем-то детям и сейчас помогать надо, обзаводиться, укрепляться. Доезжал Виктор Александрович до Тюмени на своем «Кировце», там и услышал о такой экспедиции — вахтовой. Двадцать дней работаешь, десять — на отгулах, а заработки, конечно, северные, с надбавками. Можно и по три недели, да хоть и весь год, а отгулы набегают.

— С Клавдией мы люди немолодые,— рассказывал Витек свердловскому коллеге об ответственном моменте семейного решения.— От небольшой разлуки не помрем. А профессия у меня везде, где техника есть, пригодная. Так что и порешили, что эта вахта как раз для меня и придумана. В кадрах приняли без слова, ведь физиономия у меня трезвая, солидная, можно сказать. А ведь в эту вахту не всякий солидный человек подается. А молодежь — что? Чуть что не по ней, собирает чемоданишко к очередному самолету: «На мою жизнь БАМов и КамАЗов хватит!» Увольняются почему зря.

Сам Бастраков разработал себе такую вахтовую модель: чтобы особенно не мельтешиться, он наведывается в Ишим два раза в год. Но все же по пять месяцев вахты выдерживать трудновато, и он хочет сократить срок до полутора месяцев. Всех денег все равно не заработаешь.

— Ну, а сколько можно? — с интересом спрашивает Александр.

— В Харасавее еще платят,— со значением произносит Витек.— Грешить нечего, хорошие деньги идут работяге. Если месяц приличный, фронт работ там, погода не мешает, за смену рублей по 14 закрывают.

— Чистого? — снова заинтересованно осведомился свердловский коллега.

— Конечно, это без накруток. С накрутками, но с вычетами за жите-бытье-жратье, может выйти 700, а то и все 800. Но это в какую бригаду попадешь. Толковый бургор — будут деньги, бедолага — сиди на тарифе.

Витек попал к бригадиру, которого, по его выражению, на Героя тянут. Но вообще-то он в звене у Кукушкина. Этот Кукушкин по здешним северам уже лет двадцать ползает, с тех пор, как геологи сюда попали. Мастеровитый человек. Бригадир к себе тринадцать тракторов стянул, они у него сутки напролет молотят, а смонтировал только три буровых установки. А у Кукушкина всего шесть

машин, и те — доходяги, а сдал буровикам уже четыре агрегата.

В словах «мазуты» настоящая гордость. А что там? Знай наших! Званьев нам не надо, а дело мы свое умеем.

Харасавейские сотни стоят себя. Пока эта вахтовая модель прирабатывается да притирается, работают там в снегах без выходных-проходных, лишних-то людей нет, а работа стоять не должна.

— Мы так, — продолжает свой рассказ Витек, — день ли, ночь — все равно фар не выключаем: полярная ночь, да и поднять в любую минуту поднимут. Куда в тундре без трактора? Привези, отвези, подбрось — на буровой ведь легких деталей нет, да и лошадок не держат, автомобильчик тоже пройдет лишь кое-где. Приезжаешь на чужую буровую с ночевкой — к «мазуте» же идешь. Не к монтажникам, не к бурилам. В ночлеге не откажут, а так уж принято, заведено. Буровички — народ ушлый, по такому случаю шутят: мол, грязь к грязи липнет. А на моей буровой друг-мазута, конечно, мой балок ищет. Ввалится среди ночи, начинает чай пить. А ты если еще и не спал, и вставать тебе ранехонько, все равно приятеля не выгонишь, никакая совесть не позволит, ведь завтра тебя кому-то так же привечать нужно.

Александр, живо слушавший рассказ о заработках, как-то вдруг мгновенно скис и уже без всякого интереса спросил Витька, как нужно устраиваться в экспедицию.

— Ну, теперь все лето мое, — мечтательно глядя в стекло и не замечая перемены в настроении собеседника, произнес Витек. — Летом «мазуте» в тундре делать нечего, ни один болотник не пройдет — няша. Там и сейчас, хошь снег кругом, а через речку уже не попрешь — не терпит лед. А здесь, смотри-ка, зелень, солнце. У бабы небось окрошка в погребе стоит. Соскучилась тоже ведь, хошь мы и не молоденькие...

Поезд меж тем стучал и стучал мимо белоствольных березовых перелесков. Прозрачный презент был выпит, и Витек почувствовал себя должником. Ресторан давно уже не работал, харасавеец пошел к проводнику, надолго задержался, но пришел довольный.

— Уговорились, побежал искать.

— Наш проводник? — поинтересовался я. — Паренек шустрый.

— «Пшеничную» пообещал за полсотни.

— Как?! — вскрикнули мы одновременно с Александром.

Витьку, наверное, импонировало, что его широкая натура вызвала столь дружное удивление, но он почувствовал и единодушное мужское осуждение.

— Мне человек поставил, и я должен, — миролюбиво ответил он.

— Так ты ж за эти полсотни трое суток на холодах корячился, а этому холую-прощельге всего-то по вагонам размяться, — негодование Александра было неподдельным.

— Да не умрем мы из-за полсотни, — снова миролюбиво пресек его «мазута». — Кто знает, свидимся ли еще, а какое у тебя мнение останется о Харасавее.

Дверь купе отодвинулась, появился молоденький, худощавый проводник, хотел с форсом водрузить дефицитную бутылку, но под свирепыми взглядами смешался, быстро протолкнул ее к окну и поспешно ретировался. У Витька радость прошла, он заметно сник, но не от выпитого, а от того, что его жест истолковали неверно.

— Нефтишку-то, Витя, живую на Бованенковской видал? — задал я вопрос, который уже давно вертелся у меня на языке.

— А как же! — в его словах прозвучала та же самая гордость, когда он говорил о своем, кукушкинском звене. — Специально завернул. Правда, фонтан уже на убыль шел, давление не то, факел то вспыхнет, то притухнет.

Но — зрелище! Честно, — повернулся он к Александру, — это посмотреть надо. Она мне-то вроде, как фитиль слепому, ни премии, ни прогрессивки, да и медаль не дадут. А вроде... вот даже слов не подберу. Вроде первого мальчика родили. Могли и девочку, все ж равно, а — гордость.

...В Ишим поезд прибыл поздней ночью. На перроне «мазуту» встречала рослая, на голову выше, и какая-то монументальная в своей бабьей простоте женщина, жена Клава. У ее мощного бедра приткнулась дочка-крохотуля, тот самый «заскребышек». Витек подошел к ним, но даже как будто не поздоровался, а сразу обернулся к нам, стоящим в вагонном проеме, и махал рукой, пока поезд не тронулся. Тогда они все повернулись, эта столь разнокалиберная семья. Витек, крупный в общем-то мужик, рядом со своей Клавдией казался мелковатым, но шел гордо, независимо, как настоящий хозяин, глава и кормилец семьи. На спине у него прилип тяжелый вещмешок, баул он нес в руке, а другой, свободной, придерживал за плечо дочку. В стороне, но как-то очень близко, как-то незаметно прижимаясь, нежно и независимо, шагала его крупная жена.

Мне предстояло сходить в Новосибирске, где собиралось Всесоюзное совещание по проблемам производительных сил Сибири в перспективе до конца тысячелетия. Специалисты, ученые-геологи и геологи-практики, экономисты, плановики-футурологи, говорили на этом совещании о том, что значит для Сибири, для всей страны, для всего социалистического лагеря Западносибирский нефтегазовый комплекс. Все были единодушны в том, что надо идти дальше, на арктические берега сибирской низменности, там новые перспективы, газ, нефть, конденсат.

Министру геологии России, доктору наук, Герою Социалистического Труда, лауреату Ленинской премии Льву Ивановичу Ровнину я задал вопрос, — какое бы из последних открытий тюменских разведчиков он отметил. Министр не колебался:

— Бованенковское месторождение нефти.

Нефть, естественно, ценна сама по себе, но за этой министерской оценкой стоит гораздо большее. Бованенковская площадь — это глубокое Тюменское Заполярье, семьдесят первая арктическая параллель. Были ученые, даже целые геологические школы, которые весьма пессимистично оценивали нефтяные шансы территорий выше Северного Полярного круга. Современный скептик и пессимист в науке — осторожен (это оптимист может быть безудержно воинственным). Пессимист предостерегает, сомневается, предпочитает называть себя реалистом. Реалистичность в прогнозах — что может быть привлекательнее? Но в геологии, где многое построено именно на прогнозе, на выстраданной интуиции, осторожный реализм приводит (и не раз уже приводил на той же Тюменщине) к топтанию на месте, а то и просто к отступлению. У оптимиста должны быть козыри на руках — такие неопровержимые факты, данные, как эта живая заполярная нефть, привезенная с далекой Бованенковской площади. Вот тогда найдется ли среди ученой братии Фома, который признается в своем неверии?

Министр по должности своей должен быть нейтрален, то есть предельно объективен, потому что его заинтересованность дорого стоит. Наверное, на стол Льва Ивановича ежедневно кладется немало сообщений о фонтанах, открытиях, нефтяных и рудных, но, надо полагать, что он — бывший главный геолог главного Тюменского территориального управления — давно ожидал сообщения о полноценной нефти в Тюменском Заполярье.

Да, многое стоит за этим строгим, выделенным, поставленным на первый план: Бованенковское месторождение нефти.

У современных открытий много авторов: причастны к ним и руководители самого высокого ранга, и ученые, и геологи-производственники, причастны вышкомонтажники,

буровики, испытатели. И такие вот люди, вроде моего случайного спутника по купе, «мазуты» Витька, который вроде сам нефти и не открывал, но в то же время как без него представить большое открытие? Витек ли он, Иван, Федор — главное не в имени. Главное в том, что идут на север, в Арктику надежные рабочие люди, со слабостями своими, проблемами, не без греха и не без корысти, но прочные в своем рабочем нутре, для которых не важно, где работать, но важно, чтобы душа к этому делу тянулась и гордость рождала.

Открытия легко не даются, и Бованенковское эту прописную истину еще раз подтвердило. Когда начать отсчет этого открытия? Как у историков прочно укрепилось летоисчисление «до новой эры» и «новая эра», так у тюменских поисковиков и их летописцев есть достоверный ориентир: «до» академика Губкина и «после». Может, для каждого конкретного месторождения такой отсчет и не подходит, но он верен в принципе. Ну а историю этого открытия, видимо, следует начать с человека, чья фамилия стала названием на геологической карте. Все, кто работал с Вадимом Дмитриевичем Бованенко, вспоминают не просто дельного и деятельного руководителя, организатора поиска, но обаятельного человека, добродушного, как все крупные сложением люди, спортсмена, эрудита, умницу. Он возглавлял поиск (был начальником Ямало-Ненецкой комплексной геологоразведочной экспедиции и первым руководителем треста «Ямалнефтегазразведка») в то сложное время, когда силы скептиков, сомневающихся и прочих осторожных оппонентов были значительнее, а у оптимистов в качестве неопровержимого аргумента — только их неиссякаемая вера... Но потом стылые недра стали выбрасывать свои «kozyри» — Тазовское, Новопортовское, Пурпейское месторождения. Управляющий геологоразведочным трестом Бованенко уже мог смело возражать своим оппонентам:

— Полуостров Ямал в ближайшее время может явиться одним из перспективных нефтегазоносных районов области.

Вадим Дмитриевич трагически погиб в 1968 году, работая руководителем группы экспертов-геофизиков...

И первую открытую структуру сейсморазведчики назвали в честь погибшего коллеги. Через два года, в 1971-м, структура Бованенко дала газ. Потом газоконденсат. Фонтаны были столь мощные, что в газетах появились заметки о новом месторождении с вопросительными знаками — «соперник Уренгоя», «конкурент». Но к тому времени геологов газовый «этаж» интересовал все меньше и меньше, им нужна была полноценная нефть. Темп разведки Бованенковского замедлился: им занимались буровики, которые имели базу на мысе Каменном, на восточном берегу полуострова. Пятисоткилометровое «плечо» тундрового бездорожья для них было не с руки, поэтому когда организовалась нефтеразведка в Харасавее, Ямальская экспедиция передала ей все документы. Но у харасавейцев тоже не сразу хватило сил, чтобы детально заняться уренгойским конкурентом.

В моем «досье» по Бованенковскому есть два не совсем, наверное, обычных рисунка. Первым рисовал колечки серьезный человек, главный геолог Карской экспедиции, лауреат Ленинской премии (получал ее еще в 1964 году, в первой группе тюменцев) Борис Власович Савельев. Колечки были неправильной, вытянутой, эллипсообразной формы.

— Вот это и есть оторочка,— пояснил Борис Власович.

Портняжий этот термин вовсе не подразумевал какую-то оборку из женского костюма приблизительно девятнадцатого века. Слово «оторочка» в большой чести у северотюменских геологов. На многих газовых месторождениях они встречают нефтяные оторочки. Иногда это действи-

тельно легкомысленная оборочка, не имеющая промышленного значения, но здесь, на Бованенковском, мощность оторочного пласта по некоторым предположениям может достигать сотни метров. Но если по сплошному «пятну» газовой структуры буровик может бить практически без промаха, то в тоненькое колечко оторочки требуется попасть, порой с точностью до метра. Уйти на большие глубины мешают аномально высокие давления.

Материалом для второго рисунка послужил... гигиенический пакет. Мы летели на самолете-вахтовике, и у Анатолия Ивановича Кима, начальника геологического отдела из Харасавея, другой бумаги под рукой не оказалось. Его чертежики должны были иллюстрировать ту мысль, что Бованенковская структура по некоторым горизонтам может контактировать с Крузенштернской, и тогда это будет площадь более чем супер...

А оба эти рисунка — иллюстрация к тому, как нелегко даются открытия, сколько сложностей у поисковиков, но в то же время сколько веры и оптимизма, хотя между собой эти люди отчаянно спорят, аргументированно дискутируют, порой придерживаются почти полярных точек зрения на методы, ведущие к одной цели.

Геологические историки лаконичны. В формуляр открытия они заносят всего несколько фамилий — начальника сейсмоотряда, бурового мастера, руководителя бригады испытателей. Боюсь, что имена Валерия Николаевича Ростовцева, Майны Петровны Савиной, Саши Усанова в геологическую летопись могут и не попасть. Но вот была бы открыта нефть Бованенковского без них?..

Маина Петровна — старший геофизик в геологическом отделе объединения «Ямалнефтегазгеология». Почти четверть века стажа, правда, на Север приходятся только последние три года. У нее тихая, на первый взгляд просто бумажная работа. Александр Усанов, три года назад закончивший Тюменский индустриальный институт, летает

на вахту из областного центра, но в Харасавее бывает редко, в основном сидит на буровых. Он геолог-полевик, под его присмотром проводятся все испытания на скважинах. Но в нашей истории и обаятельная, почти застенчивая Марина Петровна, и недавний выпускник с мальчишеским лицом должны были проявить себя в какие-то считанные минуты. И сделали это.

Столкновение мнений о бованенковской нефти усилилось, когда на разведочной пятьдесят девятой начались испытания. Геологи Лабытнангского объединения под руководством Ростовцева пришли к выводу, что нефтеносными могут быть два нижних пласта. Первое сообщение от испытателей из Харасавее вряд ли можно было назвать утешительным. Была получена вода. Правда, в ней отмечалась пленка нефти. Теперь оставался последний шанс — двадцатый пласт. В объединении получили каротажные диаграммы со скважины. В первую очередь они попадают на рабочий стол геофизика Савиной. В должностной инструкции геофизика упоминается «пропуск нефтяного объекта» — самая серьезная профессиональная ошибка. По каротажке же точно ответить на вопрос — водяной ли пласт или нефтяной — было трудно: в Западной Сибири из-за слабой минерализации воды оба эти пласта имеют одинаковое сопротивление. Субъективная позиция исследователя в этом случае становится объективной силой. В геологическом отделе, которым руководит Ростовцев, сомневающихся не было. Валерий Николаевич умел убежденно доказывать. Мнение Савиной было определенным: — Испытывать.

Но нужно было получить «добро» еще одной официальной инстанции: Салехардской промыслово-геофизической экспедиции. А салехардские специалисты сомневались — смущала вода. Их окончательный ответ звучал почти погребально:

— Объект водяной, к испытаниям не рекомендуется.

В геологический отдел с заключением салехардцев вошел главный геолог объединения Заинди Жадиевич Дурдиев.

— Ну как, Валерий Николаевич?

Ростовцев вертел в руках официальный листок. Да, ситуация выглядела щекотливой. Можно верить, можно иметь верных союзников, но заключение специалистов, нравится оно тебе или нет, это официальный вердикт. Тень ли сомнения набежала на его чело, неосторожное ли слово было готово сорваться с губ?

И в этот момент прозвучал негромкий голос Маины Петровны:

— Валерий Николаевич!

Что он услышал в своем имени? Упрек? Призыв к решимости? Призыв верить ей, специалисту? Наверное, он услышал все, и еще — решимость этой не столь уж и житейски решительной женщины.

Этого было достаточно, чтобы отбросить все колебания.

— Надо стрелять, Заинди Жадиевич.

— Тогда собирайся в Харасавей, Валерий Николаевич.

А Саша Усанов выполнял свою миссию, сидя на буровой. Это он обнаружил ту пленку нефти, которая давала еще один, последний шанс на то, что пласт не водяной. Молодой геолог проверял раствор, которым промывалась скважина, и заметил пенистые черноватые твердые комочки, точки. А мудрено их было заметить! Как потом подсчитали, всего их было полстакана на двухсотлитровую бочку. Да и буровая — вовсе не стерильно чистая лаборатория. Мазут, дизельное масло могут попасть откуда угодно. Наклонился буровик над бочкой, капнуло с его робы — вот тебе и нефть Бованенковского! Всякий ли придаст значение такой мелочи, будь он даже поопытнее Усанова. Субъективный фактор объективных событий — с философской велеречивостью назовем мы эти простые и звездные минуты двух разных людей.

А главный директор событий Ростовцев срочно (с борта вахтового самолета пришлось снять диспетчера объединения) приближался к месту событий.

Всмотримся в него, пока он рассеянно поглядывает в самолетный иллюминатор, думая о чем-то своем. Ему за сорок, но северный его стаж невелик — три года. В чем искать истоки его мобилизующего других оптимизма? Было б проще, если б он давно работал на Ямале: годы незаметно делают патриотом мест, где долго трудишься. А может, исток этой веры как раз в том, что он на Тюменском Севере недавно? Что там в его анкетных данных? Закончил Томский политехнический, получил диплом на геологоразведочном факультете. Пятилетку после института работал на Оренбургском газоконденсатном месторождении, испытывал первую дюжину пробуренных там скважин. Потом два армейских года, и вернулся он уже в Томск. Здесь потянуло в науку, работал в Томском геологическом управлении, поступил заочно в аспирантуру Московского госуниверситета. В 1977 году защитил диссертацию на соискание степени кандидата геолого-минералогических наук по теме: «Условия формирования отложений васюганской свиты и перспективы их нефтегазоносности в юго-восточной части Западно-Сибирской низменности». Научным руководителем у сибиряка был большой авторитет в геологических кругах профессор Николай Иосифович Марковский. Так чистый практик с большим производственным стажем становится на научно-исследовательскую стезю. Впрочем, кажется, это заключение преждевременно. Новоиспеченный кандидат уехал в город Лабытнанги, чтобы возглавить геологический отдел в недавно созданном производственном объединении «Ямалнефтегазгеология» (старший научный сотрудник Всесоюзного нефтяного геологоразведочного НИИ Людмила Яковлевна Трушкова как-то с жаром призналась, что более прогрессивного объединения не встречала по всей Западной Сибири, и к этой

оценке надо прислушаться: сибирский стаж Трушковой почти два десятка лет, она исколесила все нефтеразведки. А прогрессивность работы объединения определяет прежде всего деятельность геологической службы).

Какое резюме можно вывести из этих биографических дат и голых фактов? Мне думается, что Валерий Николаевич рвался в гущу событий, туда, где по большому счету пригодятся его опыт и знания и где — это тоже немало важно — можно надеяться на свое открытие. Споры об арктической нефти в то время велись ожесточенные, но ни у той, ни у другой из сторон окончательных аргументов не имелось. Решающее «да» или «нет» в таких случаях говорит бур. Буровики же за Полярным кругом Тюменщины прошли практически только по верхам.

На Р-59 Ростовцева встречал мастер по опробованию скважин Галиулин. У него мальчишеское имя — Рафик и представительнейшая внешность. Среди наследственных английских лордов этот седовласый, с арктически задубевшим загаром на лице пожилой харасавейский джентльмен ничем бы не выделялся. Конечно, буровицкую робу с фирменным знаком «Мингео» пришлось бы сменить на твидовый костюмчик. У Галиулина за плечами четверть века работы в Сибири. В бригаде прославленного Семена Никитича Урусова, тогда еще не Героя Социалистического Труда, на знаменитой ныне Р — «шестерке» — открывал на Мулымье шаимскую нефть — первую в тюменских болотах.

— Сам бог велел, — пожимая руку мастеру, произнес Ростовцев, — вам, Рафик Михайлович, открывать и первую арктическую нефть.

— Мы свое дело сделаем, скважину испытаем, — бодро ответил Галиулин, — а что получим — только бог и знает.

— Тут ты не прав, Рафик Михайлович. Кое-что и от людей зависит. В тюменском институте работает умная женщина — Людмила Лавровна Подсосова. Старейший

геолог в области. Ты должен знать. Знаешь? Так вот, она как-то на совещании в Лабытнангах хорошо одну закономерность подметила. Толкуют, говорит, о бесполезности совещаний. А никто не призадумался: первое совещание провели мы в Шаиме — и нефть там открыли. Потом в Сургуте совещались, и что же? Там тоже отличнейшую нефть нашли. Приехали в Уренгой — сейчас и там живут не только с газом, но и с нефтью. А нынче пришла очередь Ямала. Ну как, впечатляет закономерность?

Галиулин скупо кивнул головой.

— Так что, Рафик Михайлович, природа свое сделала, а сейчас очередь за нами.

Пейзаж в окрестностях Р-59 скучноват и уныл, чуть всхолмленная, совершенно безлесая тундра, на апрельском солнце безжалостно ослепляющая своими снегами. Буровая и пяток балков около нее — остров в этом безбрежном океане. Но, кажется, не до окрестных красот людям на этом островке...

Из Харасавея на скважину прилетел инженер Анатолий Емельянович Радукин — без хорошего специалиста операции, которые предстояли на пятьдесят девятой на глубине за две тысячи метров, проводить было трудно. Собрав всех специалистов, Ростовцев объяснил задачу, которую наметили еще в Лабытнангах на совещании у главного геолога: отсечь водоносный объект от нефтяного, для чего следует поставить цементный мост, причем с точностью до одного метра.

— Ювелирная работка предстоит, — повернулся к Галиулину Радукин.

— Да впервой, что ли? — солидно возразил Рафик Михайлович.

— Где-то не впервой, а у нас-то впервые, — напомнил Ростовцев. — Я когда уезжал, мне Ольховский прямо сказал, что вряд ли в здешних условиях можно провести качественную изоляцию пласта. А он ведь начальник отдела испытания, да и практика у него — будь здоров.

— Посмотрим, посмотрим,— слегка обиделся Галиулин.

— Легко не будет,— примиряюще заметил Валерий Николаевич.

Однако к реализации намеченной программы удалось приступить только на третий день. Бригада Галиулина работала звеньями одновременно на двух скважинах, и часть людей с техникой находилась на соседнем, восьмидесятом номере. Два дня и потребовалось, чтобы они перебрались на Р-59. Характер работы требовал, чтобы бригада действовала в полном составе.

Дело наконец-то закрутилось, и у Ростовцева поднялось настроение. Он зашел в балок мастера и удивился, с каким хмурым видом Рафик Михайлович пододвинул ему только что полученную из Лабытнаног радиограмму. Прочитанные строчки почти испугали его, и он еще раз вчитался: «Во изменение нашей предыдущей РД. На Р-59 Бованенковской переходите испытанию объекта в интервале 2035—2043. Ввиду малой интервальности между пластами предусмотрите установку взрывпакера».

Связаться с Лабытнангами, узнать, почему намеченная программа отменяется, возможности не было. Что же произошло? Ростовцев ломал голову и не находил объяснения. Двухдневная задержка? Нет, это не тот срок, чтобы уходить от живой нефти. К утру Валерий Николаевич пришел к выводу, что произошло недоразумение, потеря информации в какой-то цепочке долгого пути.

«Лабытнанги. Дурдиеву — написал он на обороте злополучной радиодепеши. — Получение безводной нефти из интервала 2054—2065 метров гарантирую».

Подумал и добавил пояснение: «Задержка с изоляционными работами связана с отсутствием цементирующего агрегата на скважине».

Ему хотелось верить, что недоразумение исчерпано, но все же внутренняя тревога не покидала. Следующая радиограмма подтверждала, что предчувствиям нужно дове-

рять. Лаконичная строчка переносила спор на более высокий уровень: «Распоряжению главка Р-59 переходите испытанию объекта 2035—2043».

Значит, это уже главк. Положение осложнялось. Может, в главке имели какую-то другую информацию? Валерий Николаевич располагал только теми сведениями, что объект, которым ему приказывали заняться,—газоносный. Получить еще один газовый фонтан, который ничего не меняет, и уйти от нефти, которая так нужна. Нужна даже не сама по себе, а как подтверждение нефтяных шансов Арктики. Нет, с этим душа смириться не могла.

На скважине тем временем полным ходом шла работа. Испытатели вырыли котлован-мерник под будущую нефть. Радукин с Галиулиным мороковали над составом цементного раствора, чтобы он получился высокой кондиции и никакой пустяк не осложнил работу.

Но распоряжение главка... Главк—это штаб. Если каждый начнет партизанить и нести отсебятину—ничего хорошего не жди. Валерий Николаевич решил связаться с начальником Карской нефтеразведочной экспедиции Лагутиным. Харасавей был под боком, связь отличная, и голос Николая Федоровича звучал звонко, как будто он был где-то здесь, в офицерском балке.

— В курсе? — спросил Ростовцев.

— Читаю, читаю.

— Николай Федорович, я ничего не понимаю. Или у них есть какая-то новая информация, или это просто недоразумение, или непонятная перестраховка.

— А сколько тебе дней нужно? — спросил Лагутин.

— Максимум три, управимся.

— Тогда надо что-то придумывать...— Стало слышно, как начальник экспедиции растягивает слова, уже что-то придумывая.

— Время бы как-то потянуть надо,— начал растягивать слова и Ростовцев.

— Слушай,— услышал он через несколько секунд радостный голос Лагутина.— Давай-ка соорудим радиограмму в объединение и главк. Денек туда, денек оттуда. Ты сформулируй, а я подпишу. Годится?

— Идет,— согласился Валерий Николаевич.

«Тюмень. Салманову. Лабытнанги. Подшибякину. Имеется возможность провести изоляционные работы, попытаться получить безводную нефть, для чего требуется трое суток. Распоряжением объединения указание испытывать следующий явно газonosный объект просим вашего разрешения провести изоляционные работы. Лагутин. Ростовцев».

Главк с этим предложением не согласился, но очередная радиограмма придет из Тюмени уже 22 апреля, а через несколько часов из отводов на Р-59 ударит мощный фонтан нефти.

Как известно, победителей не судят, но два долгих дня они не будут знать, победители ли они. Зато и Ростовцев, и Лагутин — дисциплинированные люди — прекрасно понимали, какую ответственность на себя берут, ведь испытание скважины — это еще и немалые деньги. Так что каждый имел время подумать, останется ли он на своем посту в случае неудачи. Тем более что до фонтана еще далеко, подземная залежь, кажется, совсем не собирается показывать свой фонтанирующий «хвост».

Галиулинское «посмотрим» имело под собой надежное основание: бригада четко поставила цементный мост на нужной глубине с точностью до нескольких десятков сантиметров.

— Ювелиры! — похвалил Ростовцев и попросил мастера собрать бригаду. На буровой, где живут и работают всего два десятка человек, трудно сохранить в тайне содержимое главковских телеграмм, и Валерий Николаевич решил объяснить рабочим, что происходит. Наверное, он и сам был немного растерян и хотел заручиться поддерж-

кой. Геология — дело рисковое, но и в ней имеются пределы допустимого риска. Недаром же фильм о главном геологе Тюмени Фармане Курбановиче Салманове назвали «Стратегия риска».

— Вас зовут первооткрывателями, и это закономерно, — говорил Ростовцев. — Но вы должны знать, что вам доверена честь завершить большую работу многих людей. Прежде чем сюда пришли буровики, немало копий поломали ученые, которые по крохам воссоздали геологическую историю этих территорий, геофизики изучали окаменевший пульс этой земли. И ваша задача — не смазать труд предшественников.

Так ли уж важна для каждого, сидящего в тесном балке, бованенковская нефть? Что-то, а честолюбие их не заедает. А с другой стороны, какой серьезный рабочий трудится впустую, только ради заработка? Галиулинские ребята поняли из этой несколько, может быть, сбивчивой речи, что от них зависит поставить точку в долговременном научном споре. Что-то они наверняка не понимали, но слушали заинтересованно, не подозревая, конечно, о том, что их добросовестная основательность помогает начальнику геологического отдела из объединения преодолевать собственную растерянность.

Наутро скважина была полностью готова к испытаниям. Ростовцев распорядился снижать давление в колонне. Нефть из пласта должна устремиться к этому вакууму, полезет вверх и вырвется наружу. Но нефть не устремлялась вверх. Может, она слишком густая, вязкая, и понижение давления для нее слишком мало? Это дело поправимое, нужно только еще снизить уровень. А если правы все его осторожные оппоненты, и нефти в пласте просто-напросто нет? Из скважины шел газ, чистый ли он или попутный спутник нефтяной залежи, — определить было невозможно.

Тянулись долгие часы. Ростовцев листал книгу своего

учителя, профессора Марковского о палеореках и их палеодельтах, к которым приурочены крупнейшие нефтяные месторождения Земли. Вспоминались другие учителя — академик Николай Брониславович Вассаевич, Борис Александрович Соколов, Игорь Борисович Высоцкий. Но прехотливая мысль быстро возвращалась к действительности: как бы хорошо нефть на Бованенковской подтвердила те истины, которые он штудировал в аспирантуре. Он, Ростовцев Валерий Николаевич, был связующим звеном между теорией и практикой. Но проклятая нефть так и не шла, и он чувствовал себя так, как будто не оправдывает надежд своих учителей.

Он поднялся на буровую и, как мальчишка, приник к трубе фонтанной арматуры. Скважина жила, в ней что-то отдаленно и глухо булькало и что-то шентал, шурша, идущий газ. Бульканье то приближалось, то опускалось.

— Снизили давление? — спросил у Галиулина.

— До предела.— У Рафика Михайловича был вид, как будто по его вине не идет нефть.

— Через часок-другой должно начаться, а?

— Должно бы,— без энтузиазма отвечал мастер.

Прошло еще три часа.

«Надо бы продумать формулировку почетного увольнения с работы»,— пришла усталая мысль.

Был ленинский день — 22 апреля. Утром, как и положено, провели бригадное собрание. Рафик Михайлович, выступая, сказал, что у бригады есть возможность преподнести хороший подарок, но какой — не уточнил. Он мог быть доволен своим коллективом — бригада работала, как часы. Вот так солдат меняется в минуты боевой тревоги: еще часок назад можно было посамовольничать, а сейчас — тревога. На буровой такой тревоги никто не объявлял, но каждый был подтянут и собран. Завтра-послезавтра он, может, и схватится с мастером, но сегодня четко понимает, что от него требуется.

Ростовцев сидел один в офицерском балке, хозяина не было — возился на буровой. На стене висел портрет Ленина.

Может, потому, что день был не совсем обычный, пришли на память строки:

Двое в комнате:

я
и Ленин
фотографией...

Стены офицерского балка были прокурены напроочь. Валерий Николаевич улыбнулся и поправил классика:

...фотографией
на желтой стене...

Кто ему сейчас мог помочь? Последняя радиограмма уже получена. Пан или пропал — решат ближайшие часы испытаний.

Испытаний... Словечко завертелось на языке. Мы испытываем скважину, а она испытывает нас. Испытать себя. Летчик-испытатель. Тот испытывает новую модель машины. А буровик? Не только скважину испытывает, с землей борется.

Взгляд геолога упал на портрет Ильича.

— Но мы же все правильно делаем, по-партийному?

Кому он задал этот вопрос?

— Разве у меня есть другая задача, более важная, чем открыть здесь нефть? ✓

Лицо Ленина на портрете было озабоченное, по-человечески усталое, но глаза глядели ободряюще: да, все правильно, по-партийному.

Ростовцев выбежал из балка.

— Михалыч, — торопливо сказал он, переходя в спешке на фамильярность, которой раньше не допускал, — закрой-ка задвижку. Там же зона вечной мерзлоты, да если еще

нефть парафинистая, она и пробиться не может. Газок при задвижке подкопится и как на лифте ее поднимет.

Галиулин уже закручивал вентиль.

В апреле в здешних местах стоит полярный день, солнце лишь на считанные минуты заваливается за кромку горизонта. По часам время подходило к полночи, когда из отвода свистанул фонтан светло-желтой жидкости. Опадая на дне замерзшего мерника, нефть тут же густела и застывала, переливаясь зеленым, каким-то яшмовым цветом.

— Я же говорил, — Ростовцев повернулся к Галиулину, — парафинистая.

— На Шаиме, там почернее, — деловито ответил Рафик Михайлович. — И гудит пошибче.

— Главное — нефть.

Подарил мне мастер Галиулин любительский фотоснимочек, произведение бригадного фотографа — бурильщика Леша Халеева. На фоне горящей нефти — фонтан к тому времени пришлось поджечь, мерник был уже полон, а испытания продолжались, — живописная группа парней. Конечно, Леша постарался и группу скомпоновал: в воздух летят шапки. Но все же парни больше радуются, чем позируют. Я записал на обороте карточки фамилии — старший дизелист Алексей Девятков, кочегар Борис Сумцов, помбур Алексей Мустяця, старший геолог Юрий Яковлевич Бобров, машинист подъемника Борис Пестов.

Это те, кто внимательно слушал Ростовцева и работал, как по боевой тревоге.

Есть на снимке шестой, мужичок в валенках. Он шапку подбросил и пол-лица себе закрыл: только рот в широкой улыбке видно да подсвеченный нимб шевелюры. Он мне напомнил купейного знакомого, ишимского Витька.

— Кто это? — поинтересовался я у Галиулина.

— Убей, не помню, — ответил Рафик Михайлович. — Кажется, сварщик дежурный к нам приезжал.

— А может, «мазута»?

— Может, и тракторист. Народу-то много разного на скважине перебивало.

Еще раз всматриваюсь в лица на снимке, чтобы лишний раз убедиться, что это не простые исполнители, а сподвижники, и их радость так сильна, потому что и они брали на себя часть той ноши ответственности, которая не по силам одному или двум специалистам.

Мне не хотелось бы излишне драматизировать события. В жизни все и сложнее и проще. Тот интервал, на испытании которого так настаивали в главке, вопреки первоначальным прогнозам также оказался нефтеносным. Ничего бы страшного не произошло, если бы Ростовцев безукоризненно следовал радиоинструкциям. Но перед ним стояла дилемма — поймать наконец-то живую нефть или уйти к заурядной газовой залежи. У него того выбора, который известен сейчас, не было. «Пропуск нефтяного объекта» не прощает не только должностная инструкция, в первую очередь это не простит тебе твоя собственная профессиональная совесть.

В Салехард приехала экономическая экспедиция, организованная Сибирским отделением Академии наук СССР. Во главе с академиком Абе́лом Гезевичем Аганбегяном специалисты, совершающие плавание по Северному морскому пути, завернули на Ямал. Здесь в окружном комитете партии хозяйственники рассказывали о сегодняшних делах в Тюменском Заполярье, о перспективах. Выступал и Ростовцев, аргументированно доказывая свою точку зрения о нефтеперспективах заполярных земель. Единственно, чего ему не хватало, так это академически спокойного тона. После него выступил главный геолог Тюменского территориального управления, лауреат Ленинской премии Альберт Григорьевич Юдин. Он принципиально подтвердил оценки ямальцев, но отметил, что некоторые смелые прогнозы выступавшего перед ним товарища весьма еще туманны.

— Что ж, в широко известном тюменском оптимизме теперь нужно выделить более активный ямальский подвид? — спросил я после совещания у Валерия Николаевича.

— Видимо, — ответил он. — Но мы же здесь ближе к открытиям.

Пахнет Арктика нефтью. Почти полвека тому назад коллега Губкина академик Дмитрий Васильевич Наливкин смело утверждал:

— Арктика обладает значительными возможностями нахождения нефтяных месторождений. Необходимо развернуть планомерные и большие поисково-разведочные работы.

Вообще-то нефть за Северным Полярным кругом тюменские геологи обнаружили уже давно. В конце шестидесятых годов хлынул фонтан на Новопортовской площади, получили приток на Тазовской. Пробирочки с «черным золотом» Заполярья можно увидеть у поисковиков, которые работали на Заполярном, на севере Уренгоя, на Харвутте, в районе Самбурга.

Есть такая пробирочка и с площади с названием «Утренняя». У нее не только красивое название, но и «красивое», с точки зрения геологов, местоположение — это север Гыданского плацдарма, его «указательный палец» — полуостров Явай. Но пока явайские недра говорят по-утреннему тихим голосом, здесь еще надо много поработать, чтобы нефтяной этот голос окреп.

Так что для себя тюменские геологи вопрос о нефти в Арктике решили однозначно. Но все нефтяные месторождения недалеко ушли за символическую черту Полярного круга, а Бованенковское — это 71-я параллель, безоговорочная Арктика, посрамление всех, кто сомневался в нефти на берегах Северного Ледовитого.

Да и, пожалуй, только сегодня, в начале восьмидесятых, в стране созданы те необходимые условия, чтобы ши-

роко вести поиск, и западносибирский «кусочек» Арктики в этом отношении — настоящий пионерный край.

Недавно мне довелось пролетать на вертолете по маршруту Тадибе—Яха—Сабетта—Яха—Харасавей — мыс Каменный. Одни из этих точек более известны, другие — менее, но это опорные пункты наступления на арктическую нефть.

Самая дальняя из экспедиций — Тамбейская, ей поручено разбуривать площади на северном «языке» полуострова Ямал. На берегу Обской губы разведчики выбрали сухой пятачок тундры, озеро с пресной водой и песчаную косу, на которую могут садиться самолеты. На болотистом берегу речки Сабетты (неболотистых берегов здесь нет) организован причал. Начальник новой экспедиции — человек с обветренным лицом и простуженным голосом — Виктор Константинович Рыбалов, два инженера и пять механизаторов разгружают первые баржи с материалами и оборудованием. Вот пока и вся базенка новой нефтеразведки. Экспедиции еще нет, зато есть отличные перспективы. С берега Сабетты видна буровая вышка — это южные соседи, мыскаменцы, пробурили разведочную номер пять. Скважина не испытывалась, но нефть там есть, она стала проявляться еще во время бурения.

Молодой инженер-строитель Алексей Назаров явно не в своей одежде: сегодня ненароком смерил температуру холодной Сабетты, и пока сушится собственный комплект, ходит в гимнастерке более запасливого товарища. Назаров уже знает, что к концу пятилетки на Сабетте (название для вахтового поселка пока не придумали) будет жить полторы тысячи рабочих, а к концу двенадцатой экспедиция наберет свой максимум — две тысячи человек. И как будто о само собой разумеющемся инженер роняет:

— Зимой уже должны принимать ИЛы-семьдесят шестые.

Так сегодня разворачиваются геологи. Пока же на Са-

бетте ждут баржу с балками, чтобы расселить хотя бы первую сотню рабочих. Буровая на горизонте среди бескрайней и неприютной здешней тундры ждет.

Гыданцы, их база разместилась на гыданской стороне Обской губы, на тундровой речке Тадибе-Яха (Шаманка), уже встречали полноценную нефть. В кабинетике начальника нефтеразведки Василия Михайловича Сарычева стоят пробирки с черной жидкостью, которые привезли с Утренней площади. Для Гыданской экспедиции в «самом прогрессивном объединении Западной Сибири» разработали комплексную программу глубокого освоения северной части Гыдана. Эта программа предусматривает проходку мелких газовых скважин, строительство на их базе электростанций, от которых будут запитаны буровые станки с электрическим приводом, предназначенные для глубокого бурения. Использование местного газа, отказ от завоза топлива с юга дают предварительную экономию в пятьдесят миллионов рублей.

Но по виду начальника экспедиции Сарычева можно предположить, что его больше заботят проблемы сегодняшнего часа. А их много. Базовым городом выбраны Лабитнанги. Но добраться от них до Тадибе-Яхи, несмотря на относительно скромное расстояние, трудно. На Шаманке аэропорт пока зимний. Нефтеразведчики добираются до Салехарда, оттуда самолетом до мыса Каменного и здесь ждут вертолета до Тадибе-Яхи. Редко когда на этот путь уходит меньше недели. Вахтовый клуб только начинают строить, в красном уголке кино могут смотреть только сорок человек, а постоянно на подбазе находится человек до трехсот. В общежитиях дефицит мест. Приходится принимать всякого, кто соглашается на такие условия. Поэтому бригады слабые, квалификация рабочих не на уровне, нормы выполняются не всегда, естественно, и заработки низкие. Получается заколдованный круг: чтобы хорошо обустроиться, нужны специалисты, специалистам

требуются хорошие условия, а для этого нужно много строить, а чтобы много строить... Круг повторяется.

— Не срабатывает вахтовая модель, Василий Тихонович,— сокрушенно жалуется Сарычев прилетевшему начальнику объединения и своему однокашнику по губкинскому институту Подшибякину.— Все наши трудности от него. Через год-другой придется возвращаться к старым методам, и если будем строить, и школу. Народ просится здесь жить основательно, семьями.

— Не торопись, Василий Михайлович,— жестковато останавливает начальника нефтеразведки Подшибякин.— Погляди в окошко: пейзаж-то уж больно неласковый. Обская губа штормит, кругом болотина. Здесь даже ни охоты, ни рыбалки. Какое тут счастье в жизни? Да и медики разве от нечего делать пришли к выводу, что детям здесь не климат? Вахта — это схема только, а жизнь в нее мы должны вдохнуть. У тебя те, кто в Лабытнангах квартиры имеют, уезжают?

— Нет, эти держатся.

— Мы тебе в этом году еще как минимум сорок квартир выделим. С аэропортом вы промашку сделали, зачем его нужно было в Напалково садить, за тридцать пять верст? Надо было сразу на той косе за речкой.

— Да мы уже укатали полосу на «товсь».

— Будет рейсовый четко летать — половина проблем снимается. Вахтовый метод, он тоже к человеку повернут. Вы с промбазой, посмотри, как хорошо развернулись — 40 тысяч метров смело можно бурить. А соцкультбыт? База для людских ресурсов? И на 15 тысяч не потянет. Вот эти диспропорции надо ликвидировать, схему совершенствовать. Собирайся-ка в Харасавей, посмотри, ведь у них все эти проблемы, которые тебе спать не дают, уже давно сняты.

Да, Николай Федорович Лагутин, начальник вахтовой нефтеразведки в Харасавее, человек не только рискованный,

как это можно понять из истории открытия бованенковской нефти, но и настоящий хозяин. Естественно, нужно принять во внимание, что возраст Карской НРЭ втрое больше, чем Гыданской. Но и многие ветераны — экспедиции Тюменского Севера — могут позавидовать той базе, которая создана в Харасавее. Это даже в мелочах заметно.

— Вы в нашем клубе не заметили аквариум? — спрашивает меня начальник нефтеразведки.

Аквариум действительно хорош, причудливые рыбки «приплыли» в Харасавей из Киева, не приплыли, естественно, а с пересадками летели сюда, но человека послали специально. Да и примечательна сама по себе просьба начальника экспедиции.

В бытовке ремонтно-механических мастерских — этого царства железа и машинного масла — тоже роскошный аквариум с заморскими рыбками.

Харасавейский клуб лучше, чем во всех других базовых поселках геологов. В рабочих общежитиях здесь отводят место для комнаты отдыха — оранжереи. Строится в вахтовом поселке спортзал, инженеры ломают голову над проблемой, как в плавательный бассейн подавать воду прямо из Карского моря. Пригласили харасавейцы агроспециалистов из Ленинграда, которые обещают за пару арктических месяцев вырастить вполне краснощекие помидоры.

В столовой — специальный зал с камином. Харасавей, пожалуй, единственное место, где от строителей я не слышал жалоб на нехватку материалов. И не потому, что доставляют этих материалов с избытком, скорее наоборот, — по самым скудным лимитам. Просто харасавейцы — народ предприимчивый. Именно здесь изобрели мохобетон и деревобетон: в качестве арматуры используют деревянные обрезки и дрова, а также бывшие в употреблении мох и паклю. Оказалось, что крепости этих бетонов содействует и крепость здешних морозов. На стройплощадках — чи-

стота, ведь все отходы идут в дело. Плюс к этому — сэкономленные деньги. Не подвезли морским путем брус — нефтеразведчики пустили в ход использованные буровые трубы: смонтировали отличный склад под технику. «Южный человек», как он сам представляется, инженер-строитель Томази Шарикадзе, показывая фундамент под амбулаторию, хитро улыбается:

— Думаете, откуда такой лес достали?

И удовлетворенно объясняет:

— Море само принесло. Плавник. Никаких антисептиков не нужно, не бревно, а монолит.

Конечно, не все проблемы в Карской решены, надо, например, создавать дублирующие составы основных бригад, подумать о равноценной замене тех специалистов, которые находятся на отдыхе. Но не случайно в конторе экспедиции постоянный «букет» поздравительных «молний». Буровики Павла Кожевникова, Сергея Яцкого, Романа Расулова, вышкомонтажники Валерия Панкова, Сергея Гимранова, испытатели Рафика Галиуллина досрочно выполнили намеченные программы и часто выходят победителями во Всесоюзном, Всероссийском, областном социалистическом соревнованиях. Не случайно именно харасавейцы выступили с инициативой внедрения циклового строительства скважин — первыми в России.

Последняя и самая южная (хотя и она далеко за Северным Полярным кругом) точка путешествия — мыс Каменный. Здесь постоянная база старейшей на Ямальском полуострове нефтеразведки. Именно Ямальская НРЭ — «родитель» и Харасавейской, и Гыданской, и Тамбейской экспедиций.

— Каждый отец хочет, чтобы его дите было одето лучше, — жалуется Подшибякину начальник нефтеразведки Ревзин Зайнеевич Бадретдинов. — Мы своих сыновей одели, зато сами...

— Да будет жаловаться, — машет рукой начальник

объединения.— Сам знаешь, тебя сейчас под твою нефть озолотят.

Ямальцы получили нефтяной фонтан еще в конце шестидесятых годов. Но в пору, когда к нефти Заполярья относились скептически, фонтан посчитали случайностью. Потребовалось десять лет неустанных поисков, чтобы доказать закономерность этой случайности. Сейчас на Новопортовском месторождении насчитывается уже несколько нефтяных пластов, причем здесь и палеозой, первый арктической палеозой с нефтяным оттенком... Экспедиция, которая раньше работала на «плечах» до семисот километров (в таком радиусе были разбросаны ее дальние буровые), основательно садится на Новый Порт, который находится под боком, а разведку продолжит только на его ближайших «спутниках».

Наступает время углубления поиска, время его зрелости.

Как когда-то всех тюменцев, нынче ямальских геологов обвиняют в чрезмерном оптимизме.

— Открытия легко не даются,— Валерий Николаевич Ростовцев проводит по черным «пятнам» нефтяных месторождений Ямальского полуострова.— Но пока у нас сбывается все.

Какая все же у этого серьезного человека приятная улыбка.

СОДЕРЖАНИЕ

ОТДАЧА ПЛАСТА	3
ДЕСАНТ БЕЗ АВТОМАТОВ	31
ПАХНЕТ АРКТИКА НЕФТЬЮ	55

7 14,50 ~

Анатолий Константинович Омельчук
АРКТИЧЕСКАЯ РАЗВЕДКА

Редактор И. В. Черняева
Художник О. С. Теслер
Художественный редактор М. В. Таирова
Технический редактор В. Д. Коннова
Корректор Т. Б. Лысенко

ИБ № 3167.

Сдано в наб. 09.09.82. Подп. в печать 01.04.83.
A00977. Формат 70×108/32. Бумага типографская
№ 1. Гарнитура литературная. Печать высокая.
Усл. п. л. 3,85. Усл. кр.-отг. 4,11. Уч.-изд. л. 3,92.
Тираж 15 000 экз. Заказ 1317. Цена 15 к. Изд.
инд. ХД-457.

Ордена «Знак Почета» издательство «Советская
Россия» Государственного комитета РСФСР по
делам издательств, полиграфии и книжной тор-
говли. 103012, Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавополиграфпрома
Государственного комитета РСФСР по делам из-
дательств, полиграфии и книжной торговли,
г. Электросталь Московской области, ул. им. Те-
вояна, 25.

В первом полугодии 1983 года
в библиотеке «Писатель и время»
выходят книги:

- А. Аграновский. Совершенно несекретно
- А. Блинов. Зернышко и зернышну
- А. Иващенко. Русское поле
- Ю. Калещук. Точна росы
- И. Подсвиров. Орловский характер
- А. Полянский. Армия — любовь моя
- П. Ребрин. Дружба и хлеб

Над книгами библиотеки «Писатель и время» работают писатели: М. Алексеев, В. Белов, Ю. Галкин, Г. Горышин, Л. Жуховицкий, А. Зябрев, И. Ирошникова, Л. Иванов, В. Исаков, Г. Коновалов, Д. Мамлеев, Г. Машкин, В. Поволяев, Ю. Помпеев, В. Распутин, А. Рекемчук, В. Росляков, Ю. Стрехнин, Э. Ставский, В. Успенский, Р. Хакимов.

Приобретайте книги в магазинах книготорга и потребительской кооперации, в киосках «Союзпечати».